

Галия Мавлютова

ОПЕР
ЛЮБИТ РОЗЫ
И ОДИНОЧЕСТВО

ЛЕДИ - ДЕТЕКТИВ

Галия Сергеевна Мавлютова
Опер любит розы
и одиночество
Серия «Леди-детектив (Вече)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73954967

Опер любит розы и одиночество : повести / Галия Мавлютова: Вече;

Москва; 2025

ISBN 978-5-4484-5658-9

Аннотация

В книгу известной петербургской писательницы Галии Мавлютовой вошли два ее увлекательных детектива, главными героями которых являются женщины. В первом из них – «Опер любит розы и одиночество» – за подполковником Гюзелью Юмашевой закрепилась слава, что все самые сложные дела, которые раскрыть невозможно, в управлении спихивают ей. Это потому, что, по ее словам, она принадлежит к «братству ненормальных» и спокойно в тридцатиградусный мороз повисает голыми руками на железных перекладинах соседского балкона очень важного свидетеля и таким путем попадает в квартиру... Во втором – «Капкан для капитана» – у пугливой домохозяйки Валентины не было другой печали, кроме заботы о любимом муже. Все, что так нравилось ему, – уютное семейное гнездышко,

вкусные обеды и ужины – прекрасно удавалось верной жене. Но пришла беда – отворяй ворота. Муж похищен – и чтобы его снова увидеть, ей нужно найти крупную сумму денег. Что делать? Искать, и она выходит на тропу войны...

Содержание

Опер любит розы и одиночество	6
1	6
2	18
3	31
4	50
5	57
6	60
7	73
8	84
9	90
10	93
11	103
12	109
13	116
14	129
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Галия Мавлютова

Опер любит розы

и одиночество

*Памяти полковника Дресвянникова Юрия
Гавриловича посвящается*

Серия «Леди-детектив»

© Мавлютова Г.С., 2025

© ООО «Издательство «Вече», оформление, 2025

Опер любит розы и одиночество

1

Уютно гудевший вентилятор нагрел кабинет до состояния парной бани. Я с силой выдернула вилку из розетки, даже вентилятор мне достался какой-то ненормальный, только жару поддаёт. Без него холодно, с ним жарко, ох уж эти бесконечные единство и борьба противоположностей. Стало тихо, но зябко. Я передернула плечами. Почему я всегда мерзну? Впрочем, в этом сезоне все мерзнут – зима выдалась на редкость сырая и морозная. «Если кто-нибудь ска-

жет мне о глобальном потеплении климата, то я за себя не ручаюсь», – сказала я вслух и углубилась в изучение докладной записки, над которой корпела уже неделю. Больше всего на свете ненавижу писать доклады, но поневоле приходится заниматься этим чрезвычайно интеллектуальным трудом. Недавно меня повысили – назначили на должность в штабе управления. Еще месяц назад я носилась по городу с пистолетом в поисках преступников всех мастей. Не одна, разумеется, а с группой товарищей-оперативников. Зато теперь сижу и горбачусь без сна и отдыха. Подготовить доклад на совещание – проблема не из легких. Начальник управления освещает состояние оперативной обстановки в городе и области в правительстве, где его должны покритиковать оппоненты, но чуть-чуть, поэтому они слушают речь начальника в половину уха, улавливая лишь обрывки слов, и в конце выступления выдают начальнику «на орехи». Зато на полную катушку. После разгромного совещания наступает очередь моего непосредственного начальника, ему тоже достается своя порция «орехов». И так дальше – по инстанциям, еще несколько ступенек, и очередь плавно доходит до моей шеи. Она идет на десерт, как лакомое блюдо. На подготовку доклада у меня уйдет почти две недели. Он снится мне по ночам, брезжит передо мной за обедом и ужином, мелькая перед глазами мелкими отвратительными буквами в виде таежных мошек. За завтраком мне уже ничего не мерещится. Я продолжаю пребывать в сонном состоянии и досмат-

риваю остатки снов, как будто нахожусь в любимом кино-театре. Студеный ветер свирепо постучался в огромное окно, напоминая о морозе и простудных заболеваниях. В городе свирепствует эпидемия гриппа. Жители города переживают сезонную депрессию. Всем холодно и зябко, лишь одной мне тепло и уютно. Вентилятор и настольная лампа согревают меня, в теплом кабинете можно забыть о страждущих и мерзнущих. Монитор компьютера мерцает голубоватым светом, ласково напоминая о каторжной работе. Внутри нарастает тревога. А вдруг не успею?

– Гюзель Аркадьевна, хватит дурыю маяться, собирайтесь в командировку! – в кабинет на всех парах влетел начальник отдела. Вечно он какой-то вострепанный. Никак не могу привыкнуть. Он вообще иногда бывает буйным, но в целом он хороший, просто немного заполошный. От него напрямую зависит бесперебойная работа управления. Заполошный начальник олицетворяет собой сложный механизм управленческой работы Главка: генерал – начальник отдела – подчиненные. У него много подчиненных. В их числе есть я, самая необходимая сотрудница, как мне кажется. Даже моё рабочее место в кабинете начальника отдела, чтобы легче было нагружать докладами и служебками. После бурного монолога начальника наступает звенящая тишина, угрожающая перерасти в забастовку моей тоскующей души. От шока я сначала немею, затем алею, бурею, краснею, хотя знаю, что красочная перелицовка не украшает милую и кроткую женщи-

ну, какой я себя вижу в глубине души. Начальник явно побаивается моего гнева. После тирады он сделал вид, что углубился в изучение важных документов, совсем не смотрит в мою сторону. Я раздулась от злости, как помидор из старой итальянской сказки, но быстро сконцентрировалась, задержав дыхание, затем выпустила воздух короткими глотками и заодно подобрала живот, то есть совершила некий ритуал, способный привести любого человека в спокойное и уравновешенное состояние. Пульс забился ровнее, сердце больше не бухало по ушам, волосы разгладились сами собой. Еще один тонкий мазок: нарисовать бы на разъяренном лице подобие улыбки и лишь после этого попробовать взять штурмом начальнический стол.

– Кто это тут дурью мается? Как это – в командировку? В какую еще командировку? На улице минус тридцать градусов, – моему гневу не было предела. Обычно я злюсь искренне и, как мне кажется, достаточно элегантно. Кажется мне одной, хочу заметить.

– Ничего, Гюзель Аркадьевна, – не отрываясь от изучения документов, ласково ответил начальник, – и в морозы люди работают. Не всем же в тепле сидеть.

Такой подлости я от него не ожидала. «В тепле сидеть» – надо же такое сказать! Но неожиданно я успокоилась, и не только снаружи, но и внутренне. Вдруг ушла тревога. Хоть за докладами сидеть не буду. Развеюсь в поездке. Надо ехать! И что это я так разволновалась?

– Да ладно, можете засылать хоть на Северный полюс, – я села за компьютер и задумалась. Ничего не попишешь. Командировка так командировка. Может быть, без меня кто-нибудь доделает докладную записку? Иногда полезно проветриться. Иначе можно заживо сгнить в служебном кресле, а внезапность командировки омолаживает. Так мне хочется думать и верить, иначе как успокоиться?

– Ну, зачем же так сразу и на Северный полюс? Сначала поедете в Тихвин, Гюзель Аркадьевна. – Юрий Григорьевич встал из-за стола и подошел ко мне. На его лице заиграла хитроватая ухмылка: «Еще ничего не знаешь, а уже бурлишь». «Бурлишь» – любимое слово полковника, он использует его по делу и без дела. В руках полковника надорванный конверт, усеянный штемпельными оттисками. В углу конверта приклеена нашлепка: «секретно по исполнению». «Прочитайте письмо и отправляйтесь в канцелярию, выпишите командировочные. И ко мне на подпись. Сначала сам подпишу, потом у генерала».

– Сначала – что? Прочитать письмо? Или в канцелярию? – Я искусно изобразила тупость, согревая себя надеждой, что тупых в командировки не отправляют.

– Как хотите, – махнул рукой Юрий Григорьевич и подошел к карте Ленинградской области. Поелозил пальцем, нашел место назначения, провел прямую линию от Тихвина до Петербурга и тихонько присвистнул, искоса поглядывая на мою реакцию. Я застыла с конвертом в руках, злясь на ано-

мально-морозную погоду, на свою нескончаемую службу, на одинокую незадавшуюся жизнь и на многое другое. Вдруг мой подбородок предательски задрожал. Он всегда так дрожит, когда я вспоминаю о собственной неустроенной судьбе. Я зажала дрожащий подбородок кулаком и попыталась прочитать расплывшиеся чернильные строчки: «Товарищ уважаемый министр внутренних дел!» Ну, как всегда! Очередная жалоба министру, спущенная на тормозах в наше управление. Кроме меня больше некому разбираться с жалобщиком. В такую даль загоняют. Почему зря!

– Юрий Григорьевич, надоели мне эти жалобы и заявления наших граждан! Отправьте в Тихвин кого-нибудь другого. У нас укомплектованный штат сотрудников, все выездные. Беременных и нетрудоспособных в наличии не имеется. Все живы и здоровы, активны и креативны, – выпалила я в надежде, что крохотной слезинке, притаившейся в уголке правого глаза, не удастся сформироваться в каплю, и я ничем не выдам своего отвратительного настроения, но слеза упрямо набухла и капнула прямо на подполковничий китель, заблестав ярко и притягательно. Не слеза – драгоценный камень. Бриллиант. Любимый друг девушек.

– Не пристало боевому офицеру слезы лить, – укоризненно заметил начальник, полюбовавшись дивной игрой света на капле, – положите письмо на стол. Все равно не сможете прочитать. Я вам объясню, в чем дело. Летом в Тихвине, на центральной магистрали неустановленная машина сбила

молодого мужчину. Мужчина приезжал в гости к своему деду. Дед утверждает, что внука убили умышленно. Написал министру и приложил к письму вот эту записку. Ее нашли в кармане погибшего. Почему-то записка оказалась на руках у деда, а не в уголовном деле. Надо разобраться с этим. Факт зарегистрирован, как дорожно-транспортное происшествие. Возбудили, конечно же, «глухарь». А дед забрасывает министерство жалобами, всех достает, мол, почему не можете разыскать убийцу единственного внука. Последняя жалоба с запиской попала на стол к министру. Вот она...

Юрий Григорьевич вытащил из конверта затертую записку с оборванными краями. «Человек давно упокоился, а какая-то записка, затасканная бумажка все еще блуждает по министерским столам», – подумала я, осторожно цепляя бумажку за оборванные края. Как бы не заразиться чем-нибудь. Каким-нибудь свиным гриппом.

– Что там? – В такие минуты я забываю о своей незадавшейся жизни, о грядущей старости и об отсутствии смысла в жизни. – Можно, я прочитаю?

– Читать тут нечего, одни закорючки, тайная шифропись какая-то. Но дед уверен, что это разгадка смерти его любимого внука. Кстати, у деда больше нет никаких родственников, – начальник ткнул пальцем в записку.

Я заметила, что один ноготь на пальце обгрызен. Вот это новость – полковник грызет тайком ногти. Что-то раньше я не замечала у него вредных привычек!

– Погибший был единственным родственником? – зачем-то спросила я, хотя и так все было ясно. – Потому-то он и уверен, что внука убили. – На затертой бумажке ясно прочитывались тайные знаки:

«Р. р.»

топ 700 г

руб 000

изум 500 г

Кл. М. Н. 0,005 г калиф

– Что это? – Я недоуменно посмотрела на Юрия Григорьевича. Полковник с нарочитой готовностью заулыбался.

– Вот и узнайте, что это такое. Кроме вас, Гюзель Аркадьевна, в управлении никто не сможет этого сделать.

«Кроме вас, Гюзель Аркадьевна! В управлении никто!» Красиво сказано, но для красного словца, чтобы я не бесилась и у меня предательски не дрожал подбородок, ну и вообще, чтобы вспомнила, где я нахожусь, зачем и с какой целью. А почему полковник решил, что совершенно преднамеренное убийство? Почему он хитрит и щурится, как Ленин в Мавзолее? Изначально взял сторону обиженного деда. Такой вот полковник. Настоящий! Юрий Григорьевич жалеет всех униженных и оскорбленных. А на месте выяснится, что незадачливый внук попал под машину в пьяном виде. На периферийных дорогах подвыпивших давят почем зря. Все. За-

давать вопросы нельзя. Приказ есть приказ! Его необходимо выполнить, и лучше молча, без лишних вопросов.

– Мне необходимо сопровождение! – громко заявила я.

– Какое хотите? – начальник ласково, но с ехидцей посмотрел на меня, при этом покорно кивнув головой. Дескать, бери хоть роту, а если сможешь, то хоть целый взвод.

– Может, Линчука? – спросила я в пустоту.

Вопрос остался без ответа. Юрий Григорьевич потерял ко мне всякий интерес. Бунт подавлен в зародыше, всякое сопротивление погасло, не разгоревшись. Ладно, справлюсь. Сама. Вот зачем мне в командировке Миша Линчук? Разумеется, Миша – опытный сотрудник, больше пятнадцати лет в уголовном розыске и, самое главное, абсолютно меня не раздражает. И не только меня, он устраивает всех. Со всеми ладит, дружит, ни с кем не ссорится.

– Михаил! – я вышла в соседний кабинет, где не щадя сил трудились на уровне аналитической работы сотрудники отдела из числа среднена начальствующего состава. Линчук выскочил из-за компьютера и хитро улыбнулся. Он всегда мне радуется, никогда не злится и все приказы выполняет с полуслова. Иногда с полувзгляда.

– Михаил, мы едем в Тихвин! – Я взглянула в глаза Линчуку, пытаюсь рассмотреть в них хоть какое-то непослушание или нежелание. Ну, хоть малюсенькое раздражение. Уж тогда я оттянусь по полной программе. Но нет, ни черта не вышло. Миша остался верен себе.

– В Тихвин так в Тихвин! Когда? – Линчук с готовностью собрал документы со стола. Хоть сейчас готов отбыть в далекие края. Выучка у него такая. Всем бы так. Миша никогда не оставляет на столе никаких документов, ничего лишнего, все хранит в сейфе под пломбированной печатью.

– А сейчас и поедem. Оформим командировку и айда. Машины дадут в ГИБДД со всеми прибабасами. Помчимся по трассе, как пять генералов в одном составе. Все посты нам отсалютуют.

– Ты как ребенок, – мягко укорил меня Линчук, – тебе бы все в игрушки играть.

Несмотря на субординацию, Линчук обращается ко мне на «ты», подчеркивая этим нашу корпоративность. Мы ведь с ним из одной службы.

– Почему игрушки? Солидно поедem, как великие люди. По дороге объясню, в чем там дело.

– Слушаюсь! – отчеканил Линчук, широко улыбаясь.

Чему он так радуется? А-а, понятно, для семейного мужчины лишних три-четыре дня вне семьи, что на Канары слетать.

Перед поездкой много хлопот, но, главное, не раздражаться. В канцелярии расписалась за секретный конверт с загадочной запиской. В финансовом управлении получила командировочные. Порадовалась нечаянно привалившим деньгам. Потом позвонила в ГИБДД и в Тихвин, внутренне сожалея, что не успею заехать домой, а так хочется пере-

одеться. «Ничего, как-нибудь обойдусь», – поморщилась я и отправилась на инструктаж к начальнику отдела.

– Товарищ полковник, все документы оформлены, командировочные получены, машины у подъезда. На Шпалерной стоят. Линчук ждет внизу. Инструкции будут?

– Гюзель Аркадьевна, а какие еще инструкции нужны? – удивленно поднял брови Юрий Григорьевич, а глаза по-прежнему уткнулись в шифрограмму.

– Ну, там всякие указания, – смущенно пробормотала я, – предостережения, полномочия...

– Все необходимые полномочия вы имеете. У вас командировочное удостоверение, предписание Штаба, сопровождение в лице капитана Линчука и двух офицеров ГИБДД. Вам, что, недостаточно охраны?

– Юрий Григорьевич, да объясните мне, что надо делать! – взмолилась я.

Субординацию придумали для того, чтобы ее нарушать, но не слишком часто. Иногда разрешается. Никак не могу понять, зачем и с какой целью меня отправляют в Тихвин в трескучий мороз.

– Надо успокоить деда, найти убийцу, и не забудьте полюбоваться Тихвином, там даже светофоры есть, – Юрий Григорьевич отодвинул бумаги в сторону и посмотрел на меня. Он вроде шутит, а сам злится. Глаза сердитые. Сейчас испепелит взглядом. Дождалась! В недобрых глазах полковника сакраментальный вопрос – что тут непонятного?

– Дед пишет, что у него есть факты. Фактов у него, разумеется, нет, но у него есть интуиция. В нашем деле случается, когда родственники потерпевших кожей чувствуют правду. Проверьте все досконально, весь Тихвин на уши поставьте, но убийцу найдите. Министр лично расписался на жалобе, взял под свой контроль расследование «глухого» уголовного дела. Вам мало полномочий? Уезжайте уже, Гюзель Аркадьевна. У вас две машины и три сотрудника. Они ждут. Без результатов не возвращайтесь. Командировка будет продлена до окончания расследования.

Сейчас лучше исчезнуть, а то хуже будет. Я быстро сбегала вниз, внутренне сожалея, что не успею заехать домой. Сумку бы собрать, а-а, ладно, так поеду. Обойдусь без дамских принадлежностей. В командировке будет нелегко, к тому же она у меня бессрочная и бесполезная. Эта поездка – напрасная трата времени. Факт гибели потерпевшего зарегистрирован как дорожно-транспортное происшествие. Я имею право проверить обоснованность возбуждения уголовного дела, посмотреть документы, акты, протоколы, поговорить по душам с дедом погибшего. И все. На все остальные действия у меня нет полномочий. Дальше – не моя компетенция.

2

Юрий Григорьевич не зря загадочно улыбался. В глубине души он мне сочувствует, совсем недавно я ушла от мужа, окончательно поставив точку в деле обустройства личной жизни. Остаток своих дней я решила посвятить карьере, довольно неумело выстраиваемой в течение многих лет из-за той самой женской неустроенности. Начальник вкладывал двойной смысл в мое откомандирование. Во-первых, придется ненадолго забыть о женских горестях. Во-вторых, вдруг удастся раскрыть преступление века, и тогда успех станет бальзамом для одинокого дамского сердца. И Юрий Григорьевич не в накладе, ему почет и уважение со стороны начальника управления – раскрыто еще одно преступление по министерскому приказу. Вот и весь секрет полковничьей настойчивости. И все при деле. Я не тоскую за монитором, дед погибшего радуется открывшейся истине, все преступники в камере. Исполняется державный гимн, гордо реют стяги. Уже в машине я вспомнила слова Юрия Григорьевича, сказанные мне вслед: «Гюзель Аркадьевна, ключ к разгадке в этой записке. Дед – он не просто дед, он любил своего внука, и у него чутье».

– Чутье любящего сердца? – не оборачиваясь, крикнула я, как будто камнем бросила. Снова мой вопрос остался без ответа. Одностороннее общение подобно дороге в один ко-

нец. Это путь в никуда. Мы уселись в разогретые машины: я во главе колонны, Михаил оккупировал вторую машину. Я решила не тратить драгоценные силы на пустые разговоры. Надо внимательно прочитать письмо со штемпельными оттисками и набросать план действий. Для составления планов я всегда использовала одиночество и закрытую дверь. Сначала прочитала письмо, а вот с планом вышла неувязочка. Никакого плана я не составила, так как не было смысла в его составлении. И без того все просто и ясно, а простота вытекала из самого письма. Молодой парень приехал в Тихвин на выходные, пошел на дискотеку, и на перекрестке его сбила случайная машина, мгновенно скрывшаяся с места происшествия. Обычное дорожно-транспортное происшествие, почти рядовое, повлекшее за собой смерть потерпевшего. Исчезнувшую машину уже не найти. Слишком много времени прошло. У меня внутри обнаружилась паника. Ааа! Я не справлюсь с заданием. Я ослаблюсь на все управление. Уже хотела пересест в машину к Линчуку, чтобы услышать ободряющие слова, но помешало ложное представление о гордости, лишь забрезжит маленькая проблемка, сразу хочется броситься за выручкой к мужчинам. Пора бы уже расстаться с этой порочной практикой. Я вытащила затертую до дыр записку с непонятными закорючками и попыталась разгадать тайный шифр, но через полчаса у меня разболелась голова, пришлось засунуть записку в конверт. Из-за трудной дороги началась мигрень. Органически не перено-

шу запах переработанного бензина. Водитель молча смотрел на дорогу, не проявляя ко мне никакого интереса. Мне пришлось снова вытащить папку с бумагами. Я смотрела в замысловатые знаки тяжелым взглядом, но ничего не понимала. Смысл ускользал. Слово «изум» ассоциировалось с изюмом, «топ» – с топ-моделью, «руб» – с рублем, «калиф» – с калифом на час, а таинственное «Р. р.» – с масонской организацией. Вполне возможно, что Тихвин напичкан членами тайной масонской ложи, но вряд ли их там мочат почем зря. В конце концов, я забилась в уголок салона и преспокойно уснула, а проснулась от сердитого тычка Линчука и ворвавшегося в нагретую машину студеного воздуха: «Вставай, приехали». Михаил весело ощерился. Я представила свою заспанную физиономию и поморщилась. Плохо, когда подчиненные видят тебя в неприглядном виде. Поправила растрепавшиеся волосы и вылезла из машины, стараясь выглядеть бодрой и элегантной. Не получилось. Линчук подпрыгивал на одном месте, приобретая утраченный тонус: «Мы с тобой похожи на лису Алису и кота Базилио. Ты хромяя, я кривой».

– И слепой одновременно. Кот Базилио имел табличку с надписью: «слепой», как Паниковский, – процедила я, стараясь выдержать начальственный тон, а заодно и строевую выправку.

Все-таки я – старшая в бригаде по расследованию загадочного происшествия.

– Михаил, ты идешь со мной в УМВД, а вы, капитан, едете в ГИБДД и поднимаете из архива уголовное дело. Оно приостановлено, поэтому отыщите следователя, который возбуждал дело, – я посмотрела на хмурые лица офицеров, у них явно отсутствовало желание копаться в стародавнем деле, но оба молча поежились и покорно уселись в машины, а мы с Линчуком захромали по направлению к зданию местного управления внутренних дел. И впрямь, кот Базилио и лиса Алиса. Только без табличек и надписей.

– Миша, начнем с деда. Он уже ждет. Его предупредили, что мы выехали из Питера на проверку жалобы. С дедом буду говорить я, а ты молчишь, а потом подключишься по мере необходимости. Ясно? – хриплым голосом сказала я. Разумеется, мне казалось, что слова вылетают из меня чеканно и звонко, но это всего лишь внутренние ощущения, не более того.

– Рот пластырем заклею и суровыми нитками зашью. Можешь говорить, сколько хочешь, – обрадовался Линчук.

В районном управлении сложно отыскать парадные комнаты. Я дохромала до двери с надписью «уголовный розыск», вошла в первый попавшийся кабинет и оккупировала себе место у окна: «Вот простужусь и умру всем назло!» – как в детстве подумала я. Молоденький парнишка, влетевший за мной следом, возмущенно крикнул: «Это мой стол!»

– Твой стол у тебя дома! Здесь все государственное. С сегодняшнего дня это мое место! – веско и значительно сказа-

ла я.

Парень выскочил за дверь, где-то далеко послышались громкие голоса, потом все стихло.

– Это местный опер. Зачем ты его выгнала? – мягко упрекнул меня Линчук.

Он уже присел на маленький кожаный диванчик и зорко присматривался к новой обстановке. Еще раз недовольно взглянул на меня, затем поднялся, нашел чайник и кипяtilьник, потряс пустыми пачками из-под чая и сахара, проверяя, не осталось ли там чего-нибудь.

– Хозяйственный ты мужчина, Линчук, завидую я твоей жене, – сказала я. – А за опера не переживай. Ему полезно знать свое место. Молодой ещё права качать.

Я закуталась в дубленку и позвонила дежурному по прямому телефону: «Это Юмашева. Где ваш жалобщик? Приведите его ко мне».

Пока Линчук возился с чайником, обходясь с замызганной посудой, как китайский специалист по чайной церемонии, я обзавелась записями. Выписала в блокнот фамилию заявителя и долго качала головой, раздумывая, как лучше записать: полное имя или сокращенное. Имя звучало гордо: Иннокентий Игнатьевич. В глубине души я надеялась, что все-таки удастся убедить Иннокентия Игнатьевича в бесплодности его никому не нужных жалоб, но с таким именем рождаются упрямые люди. Они редко отказываются от своих навязчивых идей. Вдруг дверь кабинета резко распахнулась.

Твердым шагом прямо ко мне промаршировал старик: высокий, жилистый, нестигаемый, как жердь. Иннокентий Игнатъевич не выглядел выжившим из ума. Прямой взгляд серых глаз, слегка прикрытый кустистыми бровями, гармонировал с твердой поступью и прямой осанкой.

– Присаживайтесь, Иннокентий Варфоломеевич, – засуетилась я, выскакивая из-за ободранного стола. Не знаю почему, но я часто путаю имена и отчества, причем самые простые и незамысловатые, а про сложные и говорить нечего. Наверное, от страха путаю, может, от волнения. В моей профессии недопустимый недостаток, но что поделаешь, в тот миг, когда я произношу чужое имя, оно мне кажется пустым звуком.

– Игнатъевич! – прогремел старик.

– Что-что? – я затрясла головой, сбрасывая трубный глас с ушей.

– Игнатъевич я, Иннокентий Игнатъевич! – протрубил старик, гневно сверкая очами из-под нависших бровей.

– Да, да. Я поняла, спасибо, Иннокентий Игнатъевич, объясните мне, почему вы пишете жалобы? Уже очень много написали. Неужели вам не надоело тратить нервы и здоровье? А деньги на конверты и марки? Посчитайте, сколько денег на ветер брошено. Конечно, наша почта в бедственном положении, но не до такой же степени, чтобы наши заслуженные пенсионеры таскали туда свою пенсию, – обратилась я к Иннокентию Игнатъевичу.

– Моего внука убили! – произнес Иннокентий Игнатьевич и посмотрел на меня.

При этом вид у него был торжественный, как клятву произнес. Меня мигом зазнобило. Да уж, тут шутками и прибаутками не отделаешься. Сзади послышался короткий смешок Линчука. Я бросила взгляд в угол кабинета, но Михаил внимательно рассматривал чайник, будто хотел высмотреть в нем что-то невиданное. Вдруг он золотой, этот чайник? Я перевела взгляд на старика:

– Иннокентий Игнатьевич, почему вы решили, что вашего внука убили?

– Потому что я так считаю. – Иннокентий Игнатьевич порылся у себя в карманах и вытащил из-за пазухи какую-то засаленную бумажку. – Это характеристика с места работы.

– Ваша? – мне было непонятно, почему характеристика с места работы может служить фактическим доказательством заказного убийства.

– Внука, характеристика на моего внука, Григория Сухина. Прочитайте ее, – приказал старик и протянул мне бумажку.

Я пробежала глазами машинописный текст, прикрыв глаза очками, не дай бог, старик догадается, что я о нем думаю. Линчук сразу понял, что дело выеденного яйца не стоит, и отнесся к командировке, как к увеселительному приключению. Он тихо бренькнул чашками и испуганно посмотрел на меня. Я согласна с Мишей. Наше дело – полный швах.

– Иннокентий Игнатьевич, ваш внук часто приезжал в Тихвин?

– Нет, очень редко. Он мне писал, звонил, но приезжал редко, – старик вытер с иссохшей щеки струйку жидкости, вяло пробирающуюся между крупными морщинами.

– Он что-нибудь рассказывал о себе? – Нет, так мне не добраться до сути. Это пустой разговор.

– Нет, очень мало, почти ничего не рассказывал. Я его уговаривал жениться, ведь, кроме меня, у него никого не было на свете. Гришины родители погибли в аварии, – добавил он, предугадывая мой вопрос.

Вот откуда у него уверенность, что внука убили. Вторая авария в жизни – и обе унесли его близких. Тут любой свихнется, а гибель родных перекинет на почву криминальных разборок. Я покачала головой в такт яростно бурлившему чайнику. В горле пересохло. Давно хочется чего-нибудь съесть. Желудок посылал сигнальные маячки во все части тела. Особенно чувствительны эти сигналы в области правого виска, там активно пульсировала жилка, напоминающая о нормальной еде, режиме дня, семье и детях. Правый висок – это мое, в корне задавленное, женское начало. Как только я забываю о нормальном пищеварении, висок начинает напоминать мне о другой женской доле, с мужем и детьми, домашним очагом и фартуком, праздниками и выходными днями в кругу семьи с чадами и домочадцами. Я потеряла висок, успокаивая себя, что скоро все закончится. Я быстрень-

ко разберусь с дедом, Миша нальет мне чашку чая, и мы поедем обратно. Славно так поедем, и совсем неплохо на дорожку выпить горячего чаю. Старик заметил мое болезненное состояние, засуетился, вытащил из кармана грязный пакет, завернутый в газету, развернул его, и я увидела домашние пироги.

– Вот, угощайтесь. Александр Васильевич сказал, что вы приедете по моей жалобе. И уж очень вы пирожки любите, Гюзель Аркадьевна, – в этом месте я содрогнулась душой.

Во-первых, откуда начальнику районного управления знать про мои личные гастрономические пристрастия, во-вторых, откуда одинокий старик взял эти пирожки, не иначе как из кулинарии, но я все-таки решила съесть хотя бы один, даже если начинка у него из стрихнина. Вид Иннокентия Игнатьевича внушал опасения, что разбирательство может затянуться за полночь, а мне так хотелось побыстрее попасть домой. Линчук лишь посмеивался, раскладывая стариковскую снедь на чистой бумаге. Миша относится к категории мужчин-кормильцев. С таким не пропадешь. Он всегда добудет пропитание. Пирожки манили к себе домашним запахом. Я осторожно взяла один и откусила крохотный кусочек.

– Я сам испек, Гюзель Аркадьевна, – старик по-домашнему засуетился у стола.

– А я не умею пироги печь, какая-то не хозяйственная я женщина. Пойду замуж только за повара. Другой мне не ну-

жен. Лучше расскажите, Иннокентий Игнатьевич, почему вы решили, что Гришу убили умышленно? На этом перекрестке сходятся дороги на Новгород, Москву и Питер. Любая случайная машина могла сбить, ведь так?

– Так-то оно так, но сердце мое подсказывает, что не совсем это так. – Иннокентий Игнатьевич расслабленно прихлебывал душистый чай.

Откуда у деда предчувствия? Я еще могу понять полковника, ему надо перед министерством отчитаться, а вот с дедом у меня никакого понимания не получается. В голове какая-то каша, то я думаю о собственных чувствах, то о работе. Надо сосредоточиться, иначе домой сегодня не попаду. С дедом возиться не хочется. Как бы его выпроводить, да так, чтобы он после ни одной жалобы не накатыл.

– Кроме предсказаний сердца есть еще что-нибудь? – сказала я, лихорадочно соображая, как бы поласковой спроводить дедушку.

– Нет, Гюзель Аркадьевна, кроме предсказаний ничего нет. Когда Гришу сбила машина, на трассе никого не было, но люди сказывают, что кто-то кое-что видел. Я обошел всех свидетелей, поговорил с ними. У нас же маленький город. Все всех знают. И знаете, что говорят люди?

Я промолчала. С ветеранами надо быть осторожной. Как можно меньше слов. Тогда они быстрее откланиваются.

– Говорят, что это была машина директора автобазы, а за рулем находился сын директора. Номер машины начинается

с цифры 40. «Волга», белого цвета...

– Зачем сыну директора автобазы умышленно совершать наезд на вашего внука? Он мог совершить наезд, но, скорее всего, случайно. Его уже допрашивали в ГИБДД, есть протокол допроса в деле? У вас же маленький город, полгода вы проводите собственное расследование, значит, знаете об этом эпизоде, – сказала я, пребывая в уверенности, что сын директора допрошен, и нам не нужно проводить проверку по факту.

Честно говоря, не хочется допрашивать свидетелей во второй раз. И какие это свидетели, если в момент наезда на трассе никого не было? Любой допрос – это психологическая пытка для человека, стресс, потрясение. Зачем понапрасну мучить людей?

– В том-то и дело, что нет, не допрошен. Я все инстанции обошел, следователь отказывается допрашивать, говорит, что у сына директора есть железное алиби. Дескать, он не подлежит допросу в качестве свидетеля. Я требую, Гюзель Аркадьевна, чтобы вы допросили негодяя, официально допросили. Люди недаром говорят. Это он убил Гришу.

– А любознательные люди случайно вам не подсказали, почему он это сделал? Что послужило мотивом, личная неприязнь, вражда, может, деньги не поделили, девушек? Ну там, любовь-морковь?

– Они не были знакомы. Гриша не знал этого подонка, – дедушка спрятал от меня глаза, прикрыв бровями. Сразу

видно, как стыдно старому человеку. Ходит-ходит по инстанциям, пишет жалобы, ворует чужое время. Честность старика сначала позабавила, затем разозлила. Он, видите ли, хочет, чтобы по делу были проведены дополнительные процессуальные действия. И тут же заявляет, что погибший и сын директора автобазы не были знакомы. Иннокентий Игнатьевич не вникает в тонкости и частности. Он ставит себя выше уголовного процесса.

– Иннокентий Игнатьевич, считайте, что вы меня убедили, – я стряхнула крошки с бумаги. Пирожки съедены, чай выпит, желудок удовлетворен тихвинским гостеприимством. Пора отчаливать.

– Мы сделаем все необходимое, чтобы в городе перестали говорить неправду. Нами будут проведены необходимые процессуальные действия. Следователь уже работает. Мы не уедем из Тихвина, пока вы не убедитесь, что каждый сотрудник честно отработал свой кусок хлеба. Михаил, ты готов к труду и обороне?

– Всегда готов! – улыбнулся Михаил, чем вызвал во мне легкое раздражение. Чему он всегда радуется? Тут плакать надо. Домой мы еще не скоро попадем. Теперь останемся в Тихвине до скончания века. Меня угробила любовь к человечеству вообще и к Иннокентию Игнатьевичу в частности.

– Как видите, Иннокентий Игнатьевич, мы всегда готовы. Кстати, почему вы решили, что наезд совершен умышленно?

– А записка. Записку-то видели? – сказал старик, даже не

сказал, почти простонал. Он страдал от того, что его плохо понимают. Для него все очевидно, все лежит на поверхности, а для других – нет. Люди не замечают очевидного. Мир равнодушен к старикам. Как я его понимаю! Впрочем, Иннокентий Игнатьевич может обижаться на весь мир, только не на меня.

– Видела, но ничего не поняла. Попытаюсь разгадать ее, но не ручаюсь за успех. Слишком уж она загадочная. Внук случайно не был кришнаитом?

– Кем-кем?

– Сектантом каким-нибудь?

– Нет, Гриша был хорошим парнем. Русский, честный, порядочный, – Иннокентий Игнатьевич погрустнел.

– Иннокентий Игнатьевич, вы так говорите, будто все нерусские – не порядочные и нечестные. Да верю, верю, что ваш Гриша был хорошим парнем, – я вовремя предупредила жест возмущения, крепко схватив деда за рукав, – не переживайте вы так, будем работать в одной связке, о наших действиях вы будете знать первым. Вторым будет Быков Александр Васильевич – начальник управления, все остальные по количественному признаку. В порядке убывания. Идет?

– Идет! – сказал Иннокентий Игнатьевич. И он ушел, оставив нас с Михаилом в полной прострации.

3

Почему-то всем живущим на этой земле иногда хочется прокрутить пленку прошлых событий. Люди наивны. Они верят, что смогут вернуть утраченные иллюзии. К сожалению, а может быть, к счастью, так не бывает. Пленка прошлого крутится, не останавливаясь ни на мгновение, забирая мысли и чувства, желания и возможности, оставляя на удаляющемся берегу все наши надежды. А в настоящую минуту мы с Линчуком составляли план действий на будущее. Хоть из прошлого, хоть из настоящего, но в скором будущем нам необходимо отчитаться сразу по возвращении в Питер. И отчет должен быть основательным.

– Миша, возьмишь на себя автобазу. Проверишь парк машин базы, заодно посмотришь личные автомобили работников, номера, цвет, техосмотр, царапины, потертости. Я понимаю, что время ушло как всегда безвозвратно, машина залатана и зачищена, но ты постарайся. А я займусь сыном директора и самим директором. Гаишники нашли следователя. Он уже работает. Сейчас все придут в управление, и плохо, что ГИБДД и УМВД в разных зданиях, никакой мобильности. Да ладно, справимся. Миша, работаем без учета времени. Чем быстрее все сделаем, тем скорее вернемся домой. Согласен?

– Всегда согласен! – сказал Михаил и весело засмеялся.

Меня передернуло. Смеющиеся мужчины не в моем вкусе. Я обожаю печальные мужские лица.

Потянулись дни. Страшно вспомнить, какие это были дни. Михаил направлял ко мне для допроса работников автобазы, а я кропотливо и дотошно расспрашивала их о всяких мелочах. Естественно, меня интересовали два вопроса: кто ремонтировал машину марки «Волга» и почему в маленьком городке плодятся упорные слухи о причастности сына директора автобазы к происшествию на трассе прошлым летом. Работники автобазы растерянно пожимали плечами. Один бог знает, почему сына директора приплели к наезду на Гришу Сухина.

– Характер у него такой, – отвечали в голос ремонтники, словно сговорились. Как назло, в маленьком городке никак не могли разыскать директорского сынка. Местные оперативники прочесывали квартал за кварталом, но обнаружить след нужного человека никак не удавалось. Пришлось отложить расспросы и допросы и взять инициативу в свои руки. Я вытащила из архивов оперативников все записи и документы и долго искала хоть какие-нибудь ниточки. Наконец вычитала в одной старой бумажке, что у Игоря (так звали «нашего клиента») есть подружка по школе. В документе значился адрес подружки, ее имя и отчество.

– Никогда не выбрасывайте старый хлам, – торжественно изрекла я.

Когда-то Игоря вместе с подружкой задержали за позднее

нахождение на улице и рапорты о задержании остались в архиве уголовного розыска. Больше никаких документов не обнаружилось, чему я очень огорчилась. Надо собрать группу для проверки адреса. Через три минуты оперативные машины мчались по улицам провинциального города. Разыскиваемый Игорь оказался в квартире школьной подружки. Много лет парень не поддерживал с ней отношений, но спрятался именно у нее, как только до его ушей донеслось, что по жалобе Иннокентия Игнатьевича приехала комиссия из Петербурга. Он лежал на диване, пребывая в полной уверенности, что его не найдут, в заброшенном доме, стоявшем на отшибе рабочего квартала. Игорь искренне полагал, что все забыли о нем. Мы взяли его тепленьким, заодно прихватив и подружку. При задержании Игорь вел себя как-то странно, он все озирался по сторонам, словно ждал помощи от кого-то со стороны. В дежурном «уазике» никаких эксцессов не возникло, но вскоре мне предстояло пережить жуткую сцену. Едва нога задержанного ступила на крыльцо управления, он задергался, залился серой пеной, корчился в судорогах, крутил белками глаз и колотился головой о стену. И все это проделывал одновременно, рассчитывая на скорый эффект. Его с трудом провели в кабинет, посадили на стул, но задержанный свалился на пол, продолжая экспериментировать над моими нервами. Я скромно сидела за столом, пытаюсь собрать выдержку в мощный кулак, но ничего не получалось. Впрочем, я знала, когда-нибудь ему надоест валять-

ся на полу. Или он устанет. Игорь выдохся через два часа, в конце представления забился в угол, дико урча и сплевывая пену. Странно он выглядел. Молодой мужчина, красивый, с копной белокурых волос, высокий, стройный, с тонкими чертами лица. Все, что он выделял, включая трюк с подружкой, наталкивало на мысль, что его земляки в сущности правы. Если он не виноват, с какой стати ему прятаться в заброшенном доме, биться в судорогах, заливаясь пеной бешенства. Игорь не хотел разговаривать ни со мной и ни с кем больше, он угрюмо прикрыл глаза и не смотрел по сторонам, и даже не хотел видеть, как пытливо его рассматривают.

«Если вызвать психушку, – размышляла я, – вся работа пойдет псу под хвост. Во-первых, он здоров, как бык, во-вторых, играет роль, которой долго обучался с детских лет. Наверное, единственный ребенок, красивый, избалованный, упрямый. Родился с золотой ложечкой во рту, привык получать все сполна – и счастье, и любовь, и достаток. И вдруг такая неприятность – облыжное обвинение в убийстве земляка. А почему, собственно говоря, обвинение облыжное? Люди зря не скажут, дыма без огня не бывает, и все его поведение подтверждает, что он замешан в этом деле. Надо его в камеру определить, там он подумает, отдохнет, наберется сил и энергии, вот тогда и поговорим».

– Покарауйте его! – приказала я оперативникам, а сама пошла к следователям унижаться. Моя профессия состоит из унижений.

– Уважаемый коллега! – торжественно произнесла я, судорожно соображая, как бы выпросить у него постановление на задержание Игоря. – Вы слышали, что происходило в соседней комнате?

– Да, – следователь оказался немногословным. Сказал, как отрезал. И даже глаз не поднял. Неинтересно ему. И жить, и работать. Сложно ему вообще-то, живёт в маленьком городе, я-то уеду, а ему тут жить. Надо будет людям в глаза смотреть. – Постановление не выпишу. Не имею права! – сказал следователь, хотя я молчала. Опять, как в кино, сказал коротко и ясно. Рубанул так рубанул.

– Имеете! – сказала я. – Имеете право. И сделаете это! Я сделаю акцент на другом, вы не имели права приостанавливать уголовное дело, не допросив Игоря. Так?

– Ну, так, – нехотя согласился следователь.

– Тем не менее вы полгода мусолили дело, затем приостановили его, причем так и не допросив подозреваемого, чем породили общественный резонанс в вашем городе и шквал жалоб на вашу работу в министерство. Вы нарушаете права потерпевших, а я тут расхлебывай за вас эту кашу. Делать мне больше нечего!

– На каком основании предъявлять ему обвинение? – генеральный представитель уголовного процесса мигом пошел на попятную.

– На каком хотите! Я вам предоставляю протоколы допроса свидетелей. Вы можете сами допросить Игоря, но я не со-

ветую этого делать.

– Почему? – спросил следователь. Парень заупрямился, как молодой бычок на привязи.

– Вы можете испортить себе настроение, а это не полезно для здоровья, но если очень хотите, доставленный готов к вашим услугам. Его даже не связали, он лежит себе, отдыхает, набирается сил. Подойдите к нему, но, боюсь, он снова заведет свою волюнку. Не желаете?

– Совсем не желаю, – сказал следователь, – но попытку сделать обязан.

Говорил он тихо, но грубо, скорее не говорил, а сердито бурчал.

– Сделайте, сделайте попытку, а я посмотрю, что у вас получится. – Я легко поднялась со стула и пошла уговаривать доставленного.

– Игорь, поднимайся, тебя следователь хочет допросить, – я ласково тронула парня за плечо.

Резкий тычок откинул меня в сторону. Удар не причинил мне видимого вреда, разве что прибавил обиды и злости. Я потрогала сначала лицо, затем ощупала руки, плечи, вроде не больно.

– Ты не прав, Игорь, совсем не прав, – с укором произнесла я, стараясь не смотреть на сотрудников. Они с трудом сдерживали смех, губы у всех тряслись.

«Смешливые какие сотрудники попались. Смешно им, видите ли», – подумала я, а вслух сказала:

– Очень весело! Вас бы так приложили! – После успешного спича немного погордилась собой, что сумела пристыдить насмешников.

В открытую дверь заглянул следователь и случайно оказался свидетелем позорного зрелища. «Теперь он имеет полное право закрыть клиента, – подумала я, – на трое суток, а после можно подумать о предъявлении обвинения по статье: “нападение на сотрудника органов внутренних дел при исполнении служебных обязанностей”, но это в том случае, если Игорь не заговорит». И вдруг мое сердце екнуло. В дверь заглядывал довольно упитанный мужчина лет пятидесяти. Это был адвокат, судя по его внешнему виду, вообще-то все они, как близнецы-братья, несмотря на возрастные и половые различия.

– Я пришел с адвокатом. Он уже здесь. Мой сын должен быть под защитой, – мужчина шагнул в переполненный кабинет и стал свирепо сверлить меня глазами-буравчиками. Ошибочка вышла. Это был папаша Игоря, а типовой адвокат спрятался за его спиной.

– Если ваш сын ответит на вопросы следователя, его сразу отпустят, – сказала я, насупив брови, чтобы хоть чуть-чуть уstrasшить мужчину с жалящим взглядом. «Супить» брови научилась у полковника. Юрий Григорьевич всегда так делает, когда хочет заstrашать меня.

– Отлично! – обрадовался мужчина и спрятал буравчики. Вместо острых жал на меня глянули вполне нормаль-

ные мужские глаза, темно-карие, пронизательные и понимающие. Я обрадовалась. Если глаза нормальные, значит, можно договориться. Мы найдем общий язык. Никто никому не желает причинить зло. Все мы стоим горой за правду.

– Ваш сын ударил меня. Только что. Факт могут подтвердить сотрудники и свидетели, присутствовавшие при инциденте в кабинете. Мы можем оформить и возбудить еще одно уголовное дело. Согласны?

В это время раздался дикий вой. Игорь услышал наш диалог, свернулся в клубок, раскрутился, как пружина, и заорал, дико сверкая белками глаз. Вместо слов вышла сплошная абракадабра, ни одной буквы не разобрать. От истошного вопля всем стало не по себе.

– Видите, что происходит, – я обратилась к мужчине, – лучше нам сразу договориться. И полюбовно. Следовательно будет работать в контакте с вами, а не с адвокатом, согласны?

– Согласен, – произнес мужчина. Он откровенно стыдился родного сына. Его лицо стало грустным и совсем старым. Он не смотрел на присутствующих. Слишком много столпилось народу в тесном, но вместительном кабинете. У оперативных кабинетов есть маленькая хитрость: иногда они могут поместить в служебный кабинет сразу сто человек, но чаще помещение оказывается тесным даже одному задержанному.

– С адвокатом вы сами любезничайте. Ваш сын нам не нужен. Если бы он вел себя нормально, мы бы тоже его полю-

били. Я, как потерпевшая от его буйства, могу вас заверить, что мы не дадим хода этому факту, если сможем обуздать приступ бешенства. Он ведь не болен? Я имею в виду, у него нет шизофрении? – сказала я и тайком бросила на него испытующий взгляд – совет или не совет.

– Нет, не болен, у него нет шизофрении, – папаша криво усмехнулся, видимо, сынок и родных достал своим буйным поведением.

– Тогда будем обращаться с ним, как со здоровым человеком. Можете жить спокойно. Идите домой и заберите с собой адвоката. Попейте пива, чаю или еще чего-нибудь покрепче. Я рекомендую. Нам вот нельзя. Мы при исполнении, – хотелось быстрее выпроводить всех бесполезных людей прочь. Нам предстояла долгая и трудная ночь. Что-то она принесет?

Отец Игоря подчинился и увлек за собой всех зевак, безмолвно наблюдавших за бесплатным спектаклем. В кабинете остались я, следователь, Линчук и местный оперативник, имени которого я не удосужилась узнать.

– Уведите его или унесите. Короче, делайте, что хотите, но к утру он должен стать разговорчивым, я бы сказала, болтливым. Если он признается в совершении наезда, нам всем дадут по медали, Иннокентий Игнатьевич помрет с чистой совестью, а в городе прекратятся слухи о продажности местных ментов. Устраивает такой расклад?

– Устраивает, – сказал следователь. Он уже выписывал постановление о помещении Игоря в изолятор временного

содержания на трое суток в качестве подозреваемого. Пока обошлось без предъявления обвинения. Оперативники унесли скрюченное тело Игоря, положив постановление о задержании ему на грудь. Притворяется? Если притворяется, то умело и профессионально. Либо прирожденный артист, либо тяжело больной человек. Утром мы должны знать, кто он такой. Если больной, отправим на лечение. Если нет, то первым делом надо установить степень причастности Игоря к смерти Сухина. Наезд совершен неумышленно, это же очевидно. Игорь не мог совершить преступление осознанно, наверное, сбил Сухина случайно, в состоянии опьянения. Нет, не сходится. А странная записка и чутье любящего человека? Вообще, а существует ли на белом свете это чутье? Кстати, какое мне дело, существует оно или нет. Мое дело – сторона. Я должна установить вину Игоря или признать его непричастность к преступлению. Это моя работа, я получаю за нее зарплату. Я существую работой, дышу ею, не в состоянии прожить и дня без нее. Иногда становится невмоготу от перегрузок, испорченных нервов, мигрени и других недугов, но, поразмыслив немного и абстрагируясь от действительности, я понимаю, что уголовный розыск – это сладкий яд, отравившая в мой организм и сделавшая остальное существование вне его абсолютно невыносимым. Помогают внутренние тренировки, я закрываю глаза, абстрагируясь от реальности, и все, теперь могу функционировать дальше.

Нет, Игорь не болен, и он не артист. Парень не притво-

ряется. Игорь – личность, и понять эту личность предстоит мне одной. Без меня он пропадет. Его когда-нибудь запишут в разряд больных, сумасшедших, и тогда он совершит новое преступление, чтобы привлечь к себе внимание. Именно! Он хотел привлечь к себе внимание. Он такой, каким всегда хотел казаться. Это не притворство. И он скажет мне правду! С такими победными мыслями я встретила хмурого Линчука. Миша вернулся из изолятора, слегка ободранный и нервный, видимо, здорово досталось от взбесившейся и непонятой личности.

– Михаил! – Я бросилась к нему на шею. – Я голодная, а ты?

– Половина третьего ночи, – он посмотрел на часы, – поглощать пищу в такое время очень вредно. Ночью организм должен отдыхать, – Линчук с непреклонным видом отринул мое предложение, заодно сбросив мои цепкие руки с его шеи. «Наверное, сильно ему досталось от непонятой личности, если на него мои уговоры не действуют», – подумала я и приступила к новому натиску.

– Это у нормальных людей он должен отдыхать, а мы с тобой – менты! Давай что-нибудь придумаем?

У Михаила застарелая язва желудка. Он тщательно скрывает свой недуг, но Мишина язва уже давно предмет шуток и приколов в коллективе. У оперов три основных профзаболевания: язва желудка, вегето-сосудистая дистония и мания преследования. Других диагнозов нам не ставят. И все мы

боимся одного – выхода на пенсию. Язвы и дистонии разные – не в счет. Мы скрываем от всех свои болячки – и от докторов, и от близких. Мы же героические персонажи! В это время злой Линчук с полным пакетом молча прошествовал мимо меня, оттер плечом от чайника и посуды и сам занялся приготовлениями к трапезе. Мише надо повиноваться. Линчук не любит, когда ему мешают. Сейчас надо тихо сидеть и ждать, пока пригласят к столу. Кто бы меня видел в эту минуту? Картина, достойная увековечения. Экстравагантная дамочка в ожидании ночного ужина. Где они, великие мастера кисти? Почему не заглянут сегодняшней морозной ночью в этот провинциальный кабинетик, где два взрослых человека, не связанные семейными и личными отношениями, молча готовятся к ночному ужину. Вообще-то, это женское дело – заниматься кухней, но мои дела с кулинарией никогда не ладились. Мы не дружим. Нас тошнит друг от друга.

– Все готово, мадам! – Линчук весело подергал меня за рукав куртки, дескать, присаживайся и угощайся.

– Миша, ты умница, ты прекрасный муж и отец, ты благополучный семьянин. Не то, что я, закоренелая холостячка, абсолютно неприспособленная к быту и кухне, – я подсластила горькую пилюлю, чтобы подлизаться к Линчуку, а то ведь с голоду можно умереть. Еще неизвестно, когда закончится злосчастная командировка.

– Да я и опер хороший, – парирует Линчук, подлаживаясь под мой тон, – не подлизывайся, лиса Алиса, а ешь давай.

В незнакомой обстановке во мне просыпается зверский аппетит. Стоит уехать в отпуск, в командировку или, что еще хуже, попасть в гости к кому-нибудь, у меня начинается приступ булимии, то есть обжорства. Я ем с аппетитом и много, не разбирая, полезно или вредно для здоровья поглощение пищи в таких количествах. Могу после сладкого съесть солёное, и наоборот, после колбасы конфету. Линчук смотрит на меня с жалостью. Он, наверное, думает, что я не ела тридцать три года, а то и больше. Все тридцать пять. С момента рождения. Сегодня Миша расстарался, он принес две копченые курицы, вкусно пахнущий хлеб, зелень, огурцы и помидоры. Несколько вареных картофелин, аккуратно завернутых в чистый целлофан, насторожили меня.

– Миша, а картошка откуда? – Я начинаю подозревать Линчука в преступном сращивании с местной рыночной мафией.

– Да так, – неопределенно хмыкнул Линчук, – на дороге нашел.

– Что-то я не встречала на дорогах отварную картошку. Еще теплая. Везет же тебе, – сказала я и подумала, что, слава богу, у меня не паранойя. Мои подозрения подтвердились. Снабдить ментов продуктами глубокой ночью могут только местные бандиты.

– Плохо ищешь, – констатировал Линчук, по-хозяйски оглядывая стол, вдруг забыл что-нибудь важное. – Ешь давай, картошку и зелень Иннокентий Игнатьевич принес. Он

в дежурной части сидит и тебя ждет. Переживает из-за Игоря.

– Господи, вот не спится старому хрычу! – невольно вырвалось у меня. Аппетит сразу пропал, и я с грустью посмотрела на стол. Есть вообще расхотелось. В целом и в частности еда мне разонравилась. Лучше бы Миша с бандитами договорился. Дедовская стряпня встала поперек горла.

– Ты доживи до его лет, тогда и будешь решать, когда тебе спать, а когда волноваться, – Линчук подвинул мне чашку с чаем. – Курицу доедай, жалко выкидывать. До завтра испортится.

В его голосе зазвенело мужское начало. У моих коллег часто прорезается командирский тон. Едва кто-нибудь из них повышает на меня голос, как я тут же ехидно осведомляюсь: «Что, мужское начало проснулось?» Но в этот раз мне не до споров и дискуссий, и уж точно не до ехидства.

– Слушаюсь, товарищ начальник! – я послушно доела кусок курицы. Сразу захотелось жить, думать и действовать.

– Прикалываешься? – спросил Линчук. Миша тоже параноик. Он вечно всех подозревает в измене Родине, ни больше ни меньше.

– Нет-нет, что ты? Позови деда, а сам смени следака, пусть перекусит. И Игоря накормить надо, а то у него все силы ушли на истерику, – крикнула я вдогонку Линчуку.

Следователь, измученный процессуальными сомнениями, молча уничтожил остатки курицы, в это время Иннокен-

тий Игнатъевич терзал меня своими коварными вопросами.

– Ему ведь плохо? Плохо, да? Нет, нам надо отпустить Игоря, – огорошил он меня, усаживаясь на колченогий стул.

– С чего бы это? – спросила я.

– Вдруг он не виноват, зачем безвинного человека в тюрьме держать. – Иннокентий Игнатъевич заметно нервничал, его руки тряслись, и он все складывал их на коленях, стараясь унять дрожь в теле.

– Иннокентий Игнатъевич, – прикрикнула я на него, – вы, видимо, решили, что мы тут в игрушки играем? Захотели – человека в тюрьму, точнее, в изолятор временного содержания, поместили? Расхотели-пожалели – отпустили? Вы когда жалобы свои катаете, о чем думаете? Вы же министру внутренних дел жалуетесь! Это же вам не начальник ЖЭКа! Вот перед вами следователь, он целую ночь тут обретается, а ему с утра на службу. А медаль не дадут за бессонную ночь. Он что, сам себе враг? Нет, он себе не враг, – сказала я совершенно спокойным голосом.

– А у меня сердце болит, – сказал Иннокентий Игнатъевич.

– Зато у меня оно из асфальта. Вот несколько не болит. Ни капельки. Можно подумать, у меня совсем нет сердца. Сижу тут, чай пью, курицу ем, картошечку вашу отварную. А что, плохо ли? Очень романтично! Идите уже, Иннокентий Игнатъевич, отдохайте и не мешайте нам работать, идите-идите, вам поспать надо. Придет время, мы во всем раз-

беремся и дадим вам ответ. В письменном виде, с подписью министра и с государственной печатью.

Гордый старик молча ушел, оставив после себя ощущение всеобщей разобщенности. Мы никогда не поймем друг друга. Каждый бьется с жизнью в одиночку, а жизнь – кирпичная стена. Бьемся-бьемся лбами в стену, а сами вдребезги. А вот стенам хоть бы хны.

– Как он? – спросила я у сосредоточенно жующего следователя. – Игорь как себя ведет?

– Молчит. Иногда кричит, что не виноват. Его подруга говорит, что на момент наезда его не было в городе, он в Питере болтался, – следователь шумно отхлебнул остывший чай. От смачного хлебка у меня заскребло под ложечкой. «Он всегда так прихлебывает, у него привычка такая, а его жена все терпит, не то, что я, слышать не могу, как прихлебывают!», – мысленно разозлилась я. Есть такое неврологическое нарушение, называется мизофония. Это когда человека раздражает, как другой человек пьет чай, ест суп, и не дай бог, при этом чавкнет или случайно начнет сербать. Совсем недавно мизофонию перевели в разряд психиатрических заболеваний. Вот и думай тут, как замуж выходить. Муж как начнет сербать при тебе щи. И все! Полный швах!

– Кто это может подтвердить?

– Только он. Больше никто. Но Игорь замкнулся, ни с кем не хочет говорить.

– Тогда идите домой, выспитесь, а с утра приступим, –

невозможно выдержать его шумное прихлебывание, видимо, нервы у меня совсем расшатались. – Идите-идите уже...

«И нам с Мишей надо выспаться», – это я уже мысленно и решительно поднялась со стула.

Лишь на исходе третьих суток Игорь заговорил. Оставалось лишь удивляться его вполне связной речи. Отец Игоря, внимательно наблюдавший за допросом, хранил ледяное молчание. Во избежание лишних жалоб я решила работать с Игорем в присутствии его отца и адвоката. В коридоре сидел нахохлившийся Иннокентий Игнатьевич. Он давно простил Игорю все его прегрешения и сейчас «болел» за него, испытывая угрызения совести. Дед уже жаждал освобождения ненавистного ему прежде парня. Игоря не было в городе в момент ДТП. Его брат подтвердил алиби. Отец дал показания под протокол, что в гараже автобазы никогда не было «Волги» с номером, начинающимся с числа 40. Свидетели отреклись от своих показаний. Никто из них не был на трассе в ту ночь. Они не видели, что в «Волге» находился Игорь. Удача вновь ловко увернулась от меня, отмахнувшись, как от назойливой мухи.

– Дед, – по-свойски обратилась я к Иннокентию Игнатьевичу, боясь перепутать его отчество, – дед, извини, но больше мы ничего сделать не можем. Как видишь, и у нас бывает nepruxa.

– Да, да, я все понимаю! – Иннокентий Игнатьевич быстро-быстро заморгал глазами, и по морщинистым щекам по-

катились слезы. – Я понимаю. Гришу не вернешь. И я не хочу, чтобы другие безвинные люди пострадали.

– Да этому Игорю только на пользу испытания, меньше истерить будет, – отмахнулась я, – и люди перестанут травить его слухами. Вся семья страдала от сплетен и надуманных обвинений. Теперь он чист перед народом. Кто теперь сможет сказать, что Игорь виноват? Никто! Хотя в этом наша работа оказалась полезной. Дед, успокойся. Ну, сходи в церковь, помолись. Только не трави мне душу. Это ведь трасса! Кто угодно мог мчаться на бешеной скорости. Сейчас время ушло, установить виновника аварии невозможно. Надо смириться.

– Дочка, да как смириться-то? Спать не могу, есть не могу. Жить не могу. – Иннокентий Игнатьевич закрыл лицо руками.

– Надо жить, дед, надо. Не грехи перед богом. Еще жалобы писать будешь?

– Нет, дочка, больше не буду. И министру своему скажи, что больше ни строчки не напишу.

– А-а, – засмеялась я, взглянув на Линчука, – министр высоко и далеко, до него нам не дотянуться. Он в Москве. Иннокентий Игнатьевич, если совсем не вмоготу будет, пишите, куда хотите, хоть президенту. Вот вам мой телефон, звоните или сразу приезжайте в управление. Только не мучайте себя. И меня заодно. Вы и так сделали все, что могли. И мы тоже.

В машине мы молчали и тихо ненавидели друг друга. Лин-

чук попытался уснуть, удобно устроившись на заднем сиденье. Я занялась делом, принявшись подсчитывать свои грехи. Подсчитала и ужаснулась. Как много у меня грехов. Вокруг меня пустыня. Рядом никого. Придется выстраивать другую схему житейских взаимоотношений, но что-либо менять в себе не хочется. Мне лень, но надо. После принятия глобального решения я крепко уснула. И ничего-то мне не приснилось.

Стол Юрия Григорьевича пугал своей пустотой, наверное, начальник на утреннем оперативном совещании. Я уселась за компьютер и долго возилась с какими-то бумагами. Наконец-то включила монитор и увидела неоконченный доклад, застывший ровно на середине, как желейная масса. Странно, но в мое отсутствие он совсем не увеличился в объеме. Буквы сливались в сплошную строку с мерцающими точками. Голова зазвенела от пустоты, совсем, как начальнический стол.

– Гюзель Аркадьевна, хочу сообщить, что вам объявлено взыскание! – громогласно заявил Юрий Григорьевич, влетая в кабинет. – Почему не позвонили, не доложили о результатах? Я готов выслушать ваши объяснения.

Объяснять было нечего. Задание я не выполнила. Субординацию нарушила. Доклад не сделала. Я уткнулась в монитор, соображая, как бы половчее выкрутиться из ситуации. Рапорт о проделанной работе лежал у Юрия Григорьевича на столе. Он несколько раз прочитал его и негромко сказал: «Жаль, что вы ничего не сделали. Я был уверен, что справитесь».

«Почему он так хочет выслужиться? Победная реляция перед министром для него так важна? Ведь дело выеденного яйца не стоит», – думала я, злясь на себя, Юрия Григорье-

вича и на весь мир вдогонку.

– На трассе произошло обычное ДТП. Товарищ полковник, почему вы так уверены, что гибель Сухинина имеет криминальную окраску?

– Это вы мне должны объяснить! Вы. Мне. А не я вам. Каким образом записка попала в руки деду? Вы не выполнили задание! Срочно распечатайте докладную записку.

– Она еще не готова, – сказала я.

Вместо слов из меня вылетел какой-то шелест. Или лепет. Да. Детский лепет. Стыдно. Господи, как стыдно. Голова почти упала вниз от позора. О, как я хочу на пенсию!

– Меня это не интересует. Через полчаса я должен отнести доклад на ознакомление к генералу.

– Я не успею. У меня не получается. – Вместо нормальных слов из меня вылезает занудное нытье.

– Доклад должен быть у меня на столе через полчаса! – Юрий Григорьевич погрузился в работу. В кабинете наступила мертвая тишина, прерываемая монотонным гудением монитора. Я беззвучно выругалась и принялась за работу. Наш отдел размещается в огромном кабинете с картой во всю стену. На карте четко прорисовываются районы Санкт-Петербурга с названиями самых маленьких улочек и переулков, и Ленинградской области со всеми мелкими ручейками и речушками. Нигде и никогда раньше я не встречала такой огромной карты. Карта весело перемигивается огоньками разноцветных лампочек в период стабильной оператив-

ной обстановки в нашем городе. Когда какая-нибудь лампочка начинает звенеть и моргать, это означает, что в городе или области орудуют преступники. Срочно требуется квалифицированная помощь. Тогда в управлении начинается трамтарарам. Сотрудники бегут на выход, к машинам, с автоматами наперевес. Людям нужна наша помощь!

Я с силой стучала по клавишам, не вникая в текст. За полчаса мне нужно подготовить доклад. Обычно я изобретаю подобный за две недели. В этом деле требуется сноровка, выдержка, талант и уникальные способности. Особыми талантами я не страдаю, уникальные способности отсутствуют, да и с выдержкой не дотягиваю до стандарта. Одна сноровка осталась. Я злилась на Юрия Григорьевича. Хоть бы одно слово похвалы или утешения сказал! Нет, похвалу я еще не заработала. А насчет утешения... Кто готов утешить подполковника в юбке и с пистолетом? Есть желающие? Понятно, желающих нет.

Пустой доклад. Ничего в нем нет. Только сухие факты. Григорий Сухинин, 33 лет от роду, не женатый, работающий водителем на крупной фирме «Петромебель», сбит неустановленной машиной на трассе Новгород – Москва – Санкт-Петербург. В Петербурге проживал на съемной квартире на улице Кирочной, бывшей Салтыкова-Щедрина, один, друзей не было. Записано со слов любящего деда, Иннокентия Игнатъевича, 82 лет от роду. Хорошая компания, Иннокентий Игнатъевич и я, подполковник Юмашева, вернувшаяся

из командировки с пустыми руками. Еще на столе начальница отдела лежала расписка Иннокентия Игнатьевича, что он удовлетворен работой комиссии и больше не будет жаловаться в высшие инстанции. А я-то думала, что обрадую Юрия Григорьевича, но он что-то совсем расстроился. Мои пальцы стремительно летали по клавиатуре. Я робко выглянула из-за монитора. Юрий Григорьевич что-то сосредоточенно писал, высунув кончик языка. Еще одна вредная привычка. Мужчина пятидесяти лет от роду не имеет права писать с высунутым языком. «Тоже мне, полковник, – фыркнула я, продолжая летать пальцами по клавишам. – Вам нужен доклад, товарищ полковник? Вы его получите ровно через полчаса! Их есть у меня».

Вскоре я положила распечатанный доклад на стол Юрия Григорьевича, после чего долго сидела в подсобке, тупо глядя на чашку с горячим чаем, и судорожно соображая, как бы улизнуть с работы пораньше, но потом подумала, что нет смысла сбегать. Идти мне некуда, ну не дома же сидеть. Что я буду делать дома? На кухне торчать. Открывать-закрывать дверцу холодильника. Это издержки одинокой жизни. Даже чаю не хочется. Кстати вспомнились странные знаки на записке: изум, руб, топ. А если это не изюм, рубль и уж точно не топ-модель? Надо посмотреть в словаре все слова, начинающие с изум... Да. Есть. Это, конечно, изумруд! Тогда «топ» – это топаз, что ли? «Руб» – рубин? Да. Точно. Рубин, топаз и изумруд. А что такое «калиф»? Таких камней нет в

природе, есть только калифы на час. Да ладно, разберусь. Надо доказать полковнику свою лояльность. Только доказывать надо молча, без лишних слов и истерики. Откуда у водителя мебельной фирмы могла взяться записка с сокращенными названиями драгоценных камней? Интуиция у полковника железная. Юрий Григорьевич с самого начала был уверен, что это вовсе не ДТП, а кровавая криминальная разборка. Приемник оглушал краткими сводками новостей. Я прислушалась: «21 января в “Ленэкспо” открывается выставка: “Петербург – салон роскоши”». Интересно, там что, бриллианты валяются прямо под ногами? Оказывается, в нашем городе существует место с рассыпанными по земле сокровищами, а я сижу в подсобке и тихо давлюсь остывшим чаем. Лучше отбыть на выставку роскоши, чем отгадывать кроссворды со словарем в руках. Все брошу и поеду искать салон роскоши, как ищут землю обетованную. Может быть, узнаю секрет записки, найденной в кармане мертвого водителя. Далеко ходить не надо. Это не за тридевять земель, и не в тридевятом царстве. Всего лишь прогуляться в «Ленэкспо». Ехать недалеко. Зато разгадаю ребус с диковинными камнями. Докладная записка прошла первый тест.

Я выглянула из подсобки, в кабинете было пусто. Начальник ушел на доклад. Как бы удачно смыться из управления, чтобы не встретить никого из заинтересованных лиц. Не забыть бы предупредить дежурного, а то объявят во всероссийский розыск. Я закуталась в пальто, надвинула на гла-

за берет (чтобы не так стыдно было), и мелкими шажками побрела к выходу, считая по дороге этажи: пятый – пусто, четвертый – пусто, третий – пусто, второй – нет, не пронесло. Навстречу мне приближался Юрий Григорьевич. Что-то полковник слишком быстро управился. Либо мой доклад слишком хорош, либо настроение у генерала никудышное. Я спряталась за стену лифта, сгорая от стыда. Совсем как в школе, точно так же я сгорала от смущения, сбегая с последних уроков. Полковник промчался мимо меня, мимо лифта (он никогда не ездит на лифте, полагая, что быстрее домчится на своих двоих), оставив после себя ощущение нескончаемой работы. В его присутствии мне кажется, если я выйду хотя бы на полчаса из управления, жизнь в городе мгновенно прекратится, сразу начнутся беспорядки, несанкционированные митинги и забастовки, вылазки нацболов, иноагентов, антиглобалистов, скинхедов, перестрелки и всякие другие безобразия. Когда уже выйду из здания, то ощущение пропадает, потому что понимаю – мое отсутствие или присутствие ничего не решает. Все мы – всего лишь винтики в системе. Я благополучно миновала второй и первый этаж, прошла дежурный пост – и одновременно победила чувство стыда за свое позорное бегство. Через пять минут вышла на Суворовский проспект. Если сесть на проходящую маршрутку, то уже через сорок минут, если нет пробок в городе, можно оказаться в «Ленэкспо», и тогда прощай-прощай уныние и тоска. На выставке заявлен загадочный салон роскоши,

а это – другой угол зрения, иное мироощущение. Сколько людей, столько мнений. Я вижу в городе сплошные неудобства: грязь, гололед, жижу и копоть, разрушающиеся здания, подвалы, залитые водой, а кто-то другой, с тем самым иным мироощущением, повсюду видит роскошь, рассыпанные на земле бриллианты и небо в алмазах. Откуда берется оно – это иное мироощущение? Ниоткуда. Все люди притворяются. Иного мироощущения нет. Они придумывают себе забавы и салоны роскоши, чтобы не так тошно жить было на белом свете. С этими мыслями я шагнула в вестибюль выставочного павильона. Мне сразу преградили дорогу два охранника в кожаных тужурках и сторожика в толстом ватнике.

– Ваш билет! – властно потребовали они в три голоса. От наглого многоголосья заложило в ушах.

– А зачем вам билет? В салон роскоши бесплатно должны пускать, – наивно предположила я, но оказалась не права, предположение обошлось мне ровно в тысячу рублей. Теперь-то я знаю, сколько стоит пропуск в рай.

В восьмом павильоне витали ароматы дорогих духов, сверкали драгоценные камни, пламенея мистическими языками пещерных огней. В выставочном зале красовалась продукция всех ювелирных салонов России. «Так вот почему «салон роскоши!» – ахнула я, подбегая то к одному вернисажу, то к другому. Вокруг: шик, блеск, красота. Терпеть не могу украшения, но собранные в одном месте, драгоценные камни имеют свойство притягивать к себе взоры даже завзятых пессимистов. «Русские самоцветы», «Российские рубины», «Салон роскоши»: яркие и блестящие названия манили к себе, зазывали, обещая другую, незнакомую и райскую жизнь. Торгующие предприятия устраивали розыгрыши и лотереи. В толпу жаждущих получить хоть что-то за дарма вписалась и я, имевшая в кошельке несколько сторублевок, как раз на маршрутное такси до дома. «Вдруг я что-нибудь выиграю», – наивно подумала я, загоровшаяся вдруг желанием выиграть сразу миллион. Как в сказке: «Хочу быть столбовою дворянкой!» Небрежным жестом взяла анкету и заполнила какие-то цифры.

– Барышня! – окликнули сзади. Я оглянулась, рядом со мной никого, чуть поодаль дама в норковом манто. Ей давно перевалило за определенное количество лет, судя по толстому слою макияжа на фарфоровом лице.

– Барышня! Это я вам, – меня схватил за руку администратор, – вы выиграли. Держите! – он торжественно вручил мне какой-то журнал.

– Что это? – я отдернула руку. Вообще-то, я не игрок по природе и не верю в добрые выигрыши. Если приходится участвовать в чужих играх, стараюсь играть по правилам, но своим правилам, не навязанным. Журнал упал на пол. Выставка «Российские рубины». Огромные буквы золочено сияли на обложке журнала.

– Это ваш выигрыш, панорама нашей выставки. – Администратор, юркий, больше похожий на молодого угря, чем на административного работника, поднял журнал с полу и сунул его мне под руку.

– Буклет, что ли? – Я прижала журнал к боку, но он все норовил выскользнуть из-под мышки.

– Если хотите, пусть будет буклет, – гордо произнес администратор, извиваясь надо мной угрем.

«Совсем как пиявка», – подумала я и повела носом. Привычка у меня такая, все на нюх определяю.

– Вам крупно повезло, – добавил администратор-пиявка.

– Вы бы лучше мне какой-нибудь бриллиант подарили. А то буклет какой-то, зачем он мне? – Я повозила рукавом, пытаясь закрепить журнал.

– В следующий раз, если вы примете участие в розыгрыше, вы получите вот это, – администратор метнулся к прилавку и достал роскошную книгу в темной суперобложке с

золотыми буквами «Российские рубины».

– Следующего раза не будет! – крикнула я и шагнула к выходу. В раю хорошо, а на работе лучше. Перед глазами возникла гневная физиономия Юрия Григорьевича. Он уже обыскал все здание управления и наверняка принялся за другие маршруты и координаты. Если не приеду вовремя, полковник поднимет всех по тревоге. Ничего, изучу каталог выставки на рабочем месте. Так будет спокойнее и мне, и начальству!

До управления доехала благополучно, к моему служебному счастью, пробок не было. Прощмыгнула тенью мимо дежурного, заклиная, хоть бы ничего не заметил. Тени исчезают вовремя. И на этажах никого. И в управлении пусто. Будто все вымерли мне на радость. Я угрем проскользнула за монитор, уселась и обрадовалась, словно целый век здесь сижу. А где же Юрий Григорьевич? Стол начальника желтел пустым полем, вообще-то, он никогда не оставляет документы на столе. С лейтенантских лет полковник соблюдает режим секретности. Все в сейфе, все под замком, под гербовой печатью. Карта уныло завывала и моргала красноватой лампочкой, словно у нас Новый год, а у нас совсем не Новый год. Завыванье лампочки означает, что в городе кого-то грохнули, завалили, замочили, то есть убили человека, насильственно лишив его жизни. «Самое ценное у человека – это его жизнь», – подумала я, с трудом дотягиваясь до кнопки.

Если кнопку отключить вовремя, карта перестанет выть, если упустишь время, лампочка заморгает еще на неделю, чередуя подмигиванье с элементами завыванья. Кажется, на сей раз время безнадежно упущено. Теперь целую неделю придется жить в состоянии непреходящей тревоги.

По всей видимости, Юрий Григорьевич выехал на проис-

шествие, вернется злой и нервный. Надо заранее провести аутотренинг по сохранению самообладания. Что бы такого сделать? Ах, да... Необходимо исправить докладную записку, изобразив бурную деятельность. А как же каталог? Ничего страшного, подождет. Каталог салона роскоши придется изучать вечером. Может быть, придут на ум новые идеи по поводу странной записки Гриши Сухина.

– Гюзель Аркадьевна, где вы так долго прохлаждались? Я вас обыскался, – полковник материализовался в кабинете, словно джинн из бутылки. Я и не заметила, как он входил в кабинет. Невиданная энергия у полковника, он даже стены умеет раздвигать.

– А вы где были, Юрий Григорьевич? Я сижу тут, вся в работе, упахалась вся, вспотела аж, – я сделала робкую попытку отразить натиск старшего начальствующего состава. Попытка, кажется, удалась.

– Где я был? – вопросом на вопрос отвечает полковник и как-то странно посмотрел на меня, охватывая взглядом мой живот, грудь, всю целиком.

Я сжалась в комок, пытаюсь уйти от настырного, ощупывающего взгляда. Очень странный взгляд. До сих пор полковник не был замечен в психических отклонениях, по крайней мере, до этой минуты.

– Я был в одной квартире. Там женщину убили. Астенического телосложения. Возраст такой же, как у вас. У нее распорот живот, вот отсюда и до сюда, – Юрий Григорьевич

провел рукой по кителю, демонстрируя разрез у женщины, – и знаете, Гюзель Аркадьевна, что я заметил?

– Что, Юрий Григорьевич, вы заметили? – мне захотелось отвернуться. Спрятаться бы где-нибудь! Иногда я бываю слишком слабонервной. Я не люблю физиологические подробности. А ведь многие уверены, что у меня вместо сердца кусок асфальта.

– У нее в животе толстый слой жира, очень толстый, – Юрий Григорьевич внимательно вглядывается в меня, видимо, хочет испытать на прочность. Полковник решил проверить, как чувствуют себя дамочки, когда им демонстрируют действия убийцы-маньяка?

– Убийство на сексуальной почве? – прищуриваюсь я, исподволь передразнивая полковника. Никого не должно интересовать, что у меня внутри: тонкости, чувства, эмоции, пласты жира... Главное, никогда не показывать виду, что ты не можешь выносить всякие человеческие мерзости.

– А у вас в голове только один мотив – сексуальный! – Юрий Григорьевич махнул рукой и потерял ко мне всякий интерес.

Он подпрыгнул и дотянулся до кнопки. Лампочка погасла и включилась снова. Теперь она светится ровным нежно-розовым цветом, совсем как в новогоднюю ночь. Не понимаю, почему эта кнопка так высоко, наверное, чтобы только я одна не могла до нее дотянуться.

– Кто эта женщина? – Мне не нравится, как я разговари-

ваю с начальством.

Очень хочется вернуть старые добрые дни. Как хорошо нам работалось до Тихвинской командировки.

– Клава. – Юрий Григорьевич задумчиво уставился в телевизор. «Наверное, переваривает увиденное. Все мужчины – маньяки!», – со злостью подумала я.

– Почему – Клава? – спросила я.

Мой голос натянулся, как струна, готовая лопнуть. Имя Клава для меня – вечный прикол. Клава она всегда Клава. В любой ситуации. Я не имею в виду Клаудиа Шиффер. И Клаудиа Кардинале.

– Клавдия Михайловна Николаева. Женщину так звали. Одинокая женщина, сорок лет, любовников не имела, в браке не состояла, детей тоже нет. Судя по всему, убийцу она знала, впустила в квартиру, отключила сигнализацию. Они выпивали, на столе две рюмки, пустая бутылка из-под джина. Клавдия лежала на кровати, видимо, уже уснула, в это время ей располосовали брюшную полость.

– А кто? Если мужа нет, любовников нет. Кому понадобилось разрезать на части одинокую женщину? – любопытно было бы узнать, почему женщину убили.

– В квартире все вещи целы, ценности, деньги, много денег, аппаратура, шубы, все на месте, – полковник настойчиво изучал ведущую модной телепрограммы. Он явно рассматривает тонкости женского телосложения. Нет, чтобы обсудить со мной все детали преступления.

– Откуда вы знаете, что все на месте? – спросила я.

Я задвигала губами и наморщила лоб. Мне так легче думается.

– Подруга у нее есть, Коровкина Людмила Борисовна, она заявила, что вещи и ценности на месте. Вот какие дела происходят на свете, Гюзель Аркадьевна, пока вы прохлаждаетесь неизвестно где. – Юрий Григорьевич оторвался наконец-таки от телевизора и повернулся ко мне. Под его взглядом стало нестерпимо стыдно за подростковое поведение, и действительно, не солидно, не по-взрослому я себя веду. Вместо того чтобы заниматься делом, сижу тут, копаюсь в собственных комплексах.

– Несолидно, несерьезно вы себя ведете, Гюзель Аркадьевна. Стыдно и больно за ваше поведение, – подхватил Юрий Григорьевич мои тайные мысли.

– Я больше не буду, – тонким голоском пробормотала я. Лучше бы ничего не говорила. Иногда молчание полезно для здоровья.

– Я уйду на оперативное совещание, можете идти домой, уже восемь вечера. Завтра без опозданий! – Он повысил голос на две октавы, а я дала себе слово никогда не опаздывать, чтобы не опускать голову и не краснеть от упреков начальства.

Как всегда, я забыла зайти в магазин, а дома пустой холодильник. Я нащупала в сумке посторонний предмет, покопавшись в темноте в недрах дамского хранилища ценно-

стей, вытащила ключи и таинственный предмет. «Господи, это же каталог с выставки, ладно, дома посмотрю», – обрадовалась я. Моя диета будет сопровождаться чтением панорамы «Российских рубинов».

Кухня блистала девственной чистотой. Если кухня сверкает стерильностью, значит, у хозяйки давно закончились съестные припасы. Не дай бог, если заблудший мужчина посетит этот очаг, поживиться ему будет нечем, полки пустые, банки звенят, как барабаны, пустой холодильник надрыгается от безысходности. Привычка открывать пустой холодильник сидит во мне крепко, никак не могу отучить себя заглядывать в него время от времени. Будто в мое отсутствие в нем могло что-нибудь появиться. Я села в кресло и закрыла глаза. Чего бы я сейчас съела? Индейку? Гуся? Баранину в собственном соку? Эх, хорошо бы молоденькой баранинки с жареной картошечкой, да присыпать все зеленью... И все это запить свежим грейпфрутовым соком, холодненьким, ядрененьким. А потом, насытившись, лениво достать из вазы спелую медовую грушу и скушать на десерт, обливаясь спелым соком. Я глянула в пустую вазу, никаких груш в ней не было, даже дохлого мандарина не завалилось. Желудок бастовал и требовал жертвоприношения в виде жареного мяса, свежего салата или какой-нибудь другой снеди. «Надо что-то придумать», – я с трудом поднялась с кресла, еще раз открыла холодильник и увидела в углу что-то завернутое в вошеную бумагу. В ней обнаружился кусок сырокопченой колбасы, най-

ти пакет с сухарями не составило труда, и вот на плите варится кофе, вкусно булькая и распространяя вокруг неповторимый запах обжитого дома с домовитой хозяйкой во главе. «Домовитая хозяйка» уселась в кресло и открыла выставочный каталог. Невозможно оторвать глаз от такой роскоши. Дизайн буклета продуман до мелочей. Особенно поражало воображение название буклета. «Российские рубины». Везде на черном шелке сверкали кроваво-красные камни, крупные, мелкие, средние, с острыми гранями, округлые и самородки. Откусывая колбасу мелкими кусочками, я бросала в рот мелкие сухари, запивая все это богатство крепчайшим кофе.

Я потянулась за чашкой, журнал вывернулся из рук, и моему взгляду открылась последняя страница. На ней красовались буквы: «Р. р.», то есть те самые российские рубины. «Руб» – рубин. Оказывается, таинственная шифрограмма «Р. р.» означает акционерное общество по обработке драгоценных камней. И лишь один старый дед – Иннокентий Игнатьевич обратил на записку внимание, а я не догадалась. А ведь это так просто! Я отодвинула тарелку с колбасой и сухарями, бог с ней, с едой, тут не до излишеств.

Это не журнал. Это послание дьявола по почте. Просто знамение какое-то. Высший знак. Случайно такие знаки в руки не даются. Их вручают только уникальным личностям вроде подполковника Гюзель Аркадьевны Юмашевой. Сначала я взяла в руки словарь, потом каталог. Полковник прав,

стоит отбросить лень в сторону и взять в руки словарь, как обычное ДТП превращается в криминальную разборку. На последней странице крупным шрифтом перечислялись фамилии организаторов выставки в «Ленэкспо»: старший менеджер – Крупин Анатолий Давыдович, менеджер – Клавдия Михайловна Николаева. Рядом располагались их фотографии, смеющиеся лица ни в чем не заподозренных людей. Второй раз за день мне эта Клава попадает, сегодня я уже слышала это имя. Жуткий холод поднялся со дна моей души и тяжелым осадком осел во рту, рот наполнился тягучей горечью, словно я выпила что-то ядовитое. Перед моими глазами возникло видение: Юрий Григорьевич смотрит на мой живот изучающим взглядом и говорит: «У вас астеническое телосложение, значит, в животе у вас толстый слой жира, как у Клавдии Михайловны Николаевой. Кто-то располосовал ей живот и грудь, одним ударом. Она одна жила, мужа и любовников не имела, детей у нее нет».

Так вот откуда в моей памяти появилась Николаева Клавдия Михайловна! Ее убили одним ударом, полоснув острым ножом от горла до лобка. Жуть! Сколько силы надо иметь, чтобы расправиться подобным образом с одинокой женщиной? Гриша Сухинин оставил после себя записку с мелкими буквами, почти зашифрованными. Шифр оказался смертельным. Эти два человека чем-то связаны, какой-то таинственной нитью. И об этом знаю одна я. Если бы я не сбежала от брюзжащего Юрия Григорьевича, расследованием убий-

ства Николаевой занимался бы потихоньку отдел Володи Королева и не то, что я, вообще никто и никогда не узнал бы о таинственной ниточке, приведшей меня к разгадке аббревиатуры «Р. р.». Чем могут быть связаны простой водитель с «Петромебели» и успешный администратор выставки «Российские рубины»? Да ничем. Разве что Гриша мог быть любовником Клавдии Михайловны. Судя по фотографии, бабочка она была хоть куда, лет сорока с лишним, ближе к пятидесяти. Самый подходящий возраст для романа с тридцатитрехлетним Сухининым. Итак, у меня появилась первая версия: Григорий Сухинин – любовник Клады Николаевой. Оба убиты насильственной смертью. Знаю-знаю, нельзя выстраивать версии, не узнав досконально подробности дела. Жаль, что я закинула записку в сейф, была бы она под рукой, можно было поломать голову за чашкой кофе всю ночь напролет. С другой стороны, хорошо, что записка в сейфе, пусть лежит себе, свой срок вылеживает, я хоть нормально выплусь. Только что вернулась из командировки, не успела отдохнуть, и тут, нате вам, такие сногсшибательные находки. «Надо позвонить Юрию Григорьевичу», – решила я, но тут же остановила себя. Представляю, как он рявкнет в трубку: «Срочно приезжайте!» Тогда придется ехать в управление. Иногда мне кажется, что он вообще не покидает здание управления, я прихожу – он уже на службе, ухожу – он еще на совещании. Где ест и спит начальник отдела и как все терпит его бедная жена, одному богу известно. Лучше переждать

до утра, хорошенько выспаться и уж завтра на свежую голову придумать что-нибудь креативное. Лишь утром я поняла, что надо было звонить начальнику вечером, я все равно не выспалась, проворочавшись всю ночь в постели с боку на бок. В голову лезли дикие идеи. К примеру, Клавдия Николаева заказывает убийство Григория Сухинина. Сын директора автобазы выполняет заказ и потом удачно косит под шизофреника. Вместе с Сухининым Клавдия Николаева зашивает российские рубины в стулья «Петромебели» – и они рассылают драгоценные камни по всему свету, включая Америку. Неужели в Америке кому-нибудь нужны российские стулья? Может, кому-то и нужны. Кто-нибудь их даже покупает. В Сиэтле на распродаже я лично видела новенький мотоцикл советского производства. Мотоцикл новенький, блестящий, в упаковке, видимо, долгие годы пролежал на американских складах, а потом его выставили на продажу. Древний мотоцикл вошел в моду, дождавшись своего часа. Стулья с дорогими камнями тоже продаются на аукционах. Я фыркнула от смеха и продолжала таращиться в белеющий в темноте потолок. Неожиданно в Питере наступила весна, после сильных морозов с крыш капало, из водосточных труб с грохотом вылетали глыбы льда, прерывая сон мирных граждан. Сильный грохот снял напряжение. Я попыталась трезво оценить ситуацию.

В нашем управлении раскрытием убийств занимается отдел Владимира Королева. Его епархия находится на четвер-

том этаже управления, и он никого не допускает в этот Вивев круг, и в прямом, и в переносном смысле. Отдел, возглавляемый Юрием Григорьевичем, занимается контролем расследования уголовных дел, ну там: сроки, законность и прочая, и прочая. Королев ни за что не допустит меня к расследованию. Он костыми ляжет поперек дороги. Я ни за что не получу официального разрешения. Если начну расследовать тайно, тогда во что превратится моя прекрасная жизнь? Я отлично знаю, во что она превратится: расцветет яркими красками интриг и соблазнов, приключений и опасностей, риска и жажды жизни. На этой счастливой ноте я уснула, и во сне меня преследовали кроваво-красные рубины, переливающиеся на черном блестящем шелке. Камни росли, увеличивались в объеме, угрожая погрести меня под своей тяжестью. Громада камней все росла и росла, а я убегала от нее, но в какой-то момент поняла, что мне не удастся убежать от опасности, я задыхалась, кричала, но крик мой никто не слышал, ноги становились ватными, а камни продолжали обрушиваться сверху. Уже они падают рядом, прямо на меня, на голову, больно бьют по лицу. Я закричала, собрав последние силы, и проснулась в состоянии ужаса, вся в испарине, с бешено бьющимся сердцем, задыхающаяся. Еще долго лежала в предутреннем рассвете, стараясь совладать с неровным дыханьем, с бешено колотящимся сердцем. В комнате стояла мертвая тишина. Из окна не доносилось ни звука, даже льдины в трубах не грохотали, наверное, слегка примерзли

за ночь. Успокоение не приходило, я набралась мужества и вышла из комнаты. По утрам я выхожу в жизнь, как на тропу войны. Жизнь для меня – это поле битвы. Весь день меня не отпускает ощущение, что я перемотана незримыми пулеметными лентами, в незримых сапогах у меня по паре ножей, за поясом с двух сторон кольт и стечкин.

На кухне допила остывший кофе, посмотрела на журнал «Российские рубины», валявшийся на полу, и рассмеялась. Смеялась долго, смачно, с удовольствием, смещая ночные страхи в бурное веселье. От хохота даже схватилась за живот и тут же замолчала. Я вспомнила, что у женщин астенического телосложения на животе толстый слой жира.

«Ну и черт с ним, с жиром! – вслух произнесла я, успокаиваясь. – Без жира у нас замерзнуть можно. Климат в стране суровый».

Страхи исчезли. Я прислушалась к себе. Настроение вроде ничего, бодрое. Я люблю просыпаться жизнерадостной. Сам черт мне тогда не страшен. Даже если он посылает мне послания по небесному Интернету в виде глянцевых буклетов. Я бросила в рот два сухарика, быстро собралась и поехала на работу на маршрутке. Моя машина в автосервисе уже месяц. Все мои деньги вбуханы в автолюбимицу. Она там наряжается, а я голодаю, питаюсь сухарями и езжу на муниципальном транспорте. Ничего, потерплю. Все равно приеду раньше Юрия Григорьевича, чему он весьма удивится. И вполне возможно, похвалит. А доброе слово и кошке при-

ятно!

Сегодня на столе Юрия Григорьевича уютно свети­лась лампа под широким зеленым абажуром. Он всегда включает эту лампу ранним утром, что означает – полковник уже в действии. Полковник – перпетуум мобиле нашего управления. Включенная лампа, стол с разбросанными доку­ментами – все ясно, в ГУМВД аврал. Значит, покой нам толь­ко снится. Все будут носиться как угорелые, с полубезумны­ми глазами, отдавая бесчисленные указания направо и на­лево. Я спокойно открыла сейф и угрюмо пошевелила нахо­дившимися там предметами. Первым делом осмотрела пи­столет, свежесмазанный, чистенький, он сразу пошел мне в руки, как котенок. Наверное, чувствует, что настал его час. Затем вытащила записку Сухина и принялась разгадывать кроссворд. Совершенно ясно, что «топ» – это не топ-модель, а топаз, «руб» – не рубль, а рубин, «изум» – не изюм, а изу­мруд, Кл. М. Н. – Клавдия Михайловна Николаева, а вот что такое 0,005 г калиф, так и не отгадала. Не дали возможности отгадать, мозг – организм животрепещущий, ему необходи­мо сосредоточиться. А как тут сосредоточишься, если в ка­бинет влетает достаточно крупный мужчина пятидесяти лет и басом кричит: «Гюзель Аркадьевна, вы опять опоздали!»

– Какая наглость! – невольно вырвалось у меня. Вольно или невольно, но свою честь надо отстаивать. Принцип до-

рогого стоит, а я не поступаюсь принципами.

– А почему вы не прибыли по «тревоге»? – полковник не обратил внимания на мой защитный выпад и продолжал ораторствовать, швырнув на стол очередную порцию документов. Я проследила взглядом за полетом бумаг и у меня сразу заняли зубы.

– А что, у нас «тревога» была? – Я напрягла память и вспомнила, что вчера отключила телефон, чтобы спокойно поразмышлять, а нам категорически запрещено отключать телефоны в нерабочее время. Нам по рангу не положено.

– «Тревога» не была! «Тревога» и сейчас в действии! И ее никто не отменял! – все возгласы на повышенных тонах, и с нервом. – Почему вы опоздали?

– Телефон вечером отключила, а включить забыла, – так вот почему меня мучили сны ужасов, потому что я изолировала себя от внешнего мира.

Теперь оправдывайся перед ним. Да все без толку, для оправданий время ушло. А ведь на работу летела на всех парах, думала, что моим находкам обрадуются, но здесь меня явно не поняли. Пришлось презрительно фыркнуть и быстренько усестись за объяснительную записку. Надо срочно изобразить мученицу и страдальицу. Прошлись по моей тощей спине граблями, прошлись, да, с удовольствием. Вампиры! Что бы такое написать? А-а, знаю, что: «Дорогие начальники, память у меня девичья, бывает, что телефон забываю включить». Я вошла в образ страдальицы и, скорбно

поджав губы, протянула полковнику изготовленную на скорую руку объяснительную записку. Берите, ешьте меня, разбивайте грабли о мою спину, хоть масло пахтайте, но лучше отстаньте. По-хорошему.

– Положите на стол, – сказал Юрий Григорьевич. По его бурчанью я поняла, что нет мне прощения во веки веков. Ему попало от генерала за мое опоздание. Вот ведь как бывает, человек спешит на службу, а в его отсутствие косточки несчастного сотрудника нещадно перебивают, в ключья раздирая его честную фамилию. Я представила, как полковник отстаивает мою честь перед генералом, и поморщилась. В душе полнейший дискомфорт. Наверное, сказал, что была в командировке, сейчас задерживаюсь, дело молодое, но скоро явлюсь пред светлые очи. Меня даже передернуло от отвращения. Полковник у нас хороший. Вечно на всех кричит, но всегда за нас заступается. Что ж, теперь я сама покорность. Ни слова поперек, только вдоль. Надо доложить Юрию Григорьевичу результаты моего ночного бдения, пусть мужчина порадуетя.

– Товарищ полковник, – я умильно улыбнулась, лучше вовремя подлизаться, – вчера я была на выставке «Петербург – салон роскоши». Выиграла в лотерею каталог выставки «Российские рубины».

– Плачет по вашу душу дисциплинарное взыскание, – проворчал Юрий Григорьевич чуть теплее, он немного оттаял, – мало того, что по «тревоге» не прибыли вовремя, так вы еще

в рабочее время по выставкам ползаете.

Если не обращать внимания на различные инсинуации вроде этого мерзкого «ползаете», тогда наши отношения могут войти в прежнее русло, чего я и добивалась.

– Вечером отключила телефон, чтобы отдохнуть и почитать журнал, и смотрите, что я нашла! – воскликнула я, подсовывая каталог и записи прямо под нос Юрию Григорьевичу.

– Гюзель Аркадьевна! Неужели у вас получилось? А почему вы не написали рапорт? Никакой штабной культуры, забыли, как оформляется документ? – В интонации полковника завибрировали веселые нотки.

Это хорошо. Полковник сейчас начнет вспоминать боевую молодость. Я развеселилась. Юрий Григорьевич уже простил меня. У нас снова мирные, дружеские, товарищеские отношения. Мужчина победил женщину. Его версия подтвердилась, а я не верила до последней минуты. Теперь все будет хорошо. В первую очередь надо доложить информацию генералу. После этого мы сможем начать расследование, но прежде известив об этом начинании отдел Королева. Без него не обойтись. Иначе мы породим внутриведомственную войну, а этого нельзя допустить. Расследование производится в рамках уголовного дела, все процессуальные действия санкционируются прокурором, и в итоге мы сможем найти убийцу даже в стоге сена. Разумеется, если этот самый стог сена ассоциировать с современным безумным миром, а

убийцу с иголкой. Наш третий член компании, заместитель начальника отдела, тоже полковник, улыбаясь, иронически посматривает в нашу сторону. Виктор Владимирович никогда не вмешивается в наши ссоры, полагая, что мы достаточно мудры, чтобы договориться без вмешательства третьей стороны. Обычно он тихо сидит в своем закутке, выглядывая оттуда, когда наши перепалки с Юрием Григорьевичем достигают апогея.

– С чего начнете расследование, Гюзель Аркадьевна? – Полковник будто прирос к моему плечу. Он явно сгорает от нетерпения в ожидании, когда я закончу описания моих походов по «Ленэкспо» и Тихвинской автобазе. А мне надо связать в одно кружево ДТП в Тихвине и убийство Клавдии Николаевой. Он уже изготовился схватить незаконченный рапорт, чтобы помчаться к генералу. Я терпеть не могу, когда кто-нибудь торчит за моей спиной во время работы. У меня сразу начинают плавиться мозги, и для того, чтобы благополучно дописать рапорт, мне надо сильно напрягаться.

– С «Петромебели». Отдам вам рапорт и поеду. С вашего разрешения, товарищ полковник?

– Не разрешаю. Не имею полномочий. Потерпите немного, сейчас вам выпишут разрешение, – сказал Юрий Григорьевич. Он не сказал, промурлыкал. Потом схватил рапорт, прочитал и снова подсунул мне под руку, – подписи вашей не хватает. Подпишитесь.

– Самое главное забыла, – я размашисто расписалась, не

забыв указать звание.

– Получили бальзам, Гюзель Аркадьевна? Бальзам от одиночества, – ухмыльнулся Юрий Григорьевич и дематериализовался вместе с моим рапортом. Последние слова долетели до моих ушей уже из коридора. Рапорт о моей неявке на «тревогу» сиротливо валялся на столе, забытый и помянутый.

– Бальзам для одинокой женщины, – строго поправил Виктор Владимирович.

– Какая разница! – воскликнула я, натягивая полушубок. Дубленый полушубок – моя дамская гордость. В нем не холодно в суровый мороз, и не жарко в оттепель. Иногда я подумываю, а не начать ли компанию дефиле дубленых полушубков в июльскую жару? Уж очень мне идет полушубочек. Почему я решила начать набег с «Петромебели»? Не знаю почему, и никто не знает. Даже умудренный тридцатилетним служебным стажем Юрий Григорьевич. Справедливости ради могу сказать, что нормальный оперативник начал бы с «Ленэкспо», ведь именно там работала Клавдия Михайловна Николаева. По факту ее убийства возбуждено уголовное дело, к которому «Петромебель» ровным счетом не имеет никакого отношения, но я выбрала «Петромебель», Сухинин там работал, и его гибель была первой в очереди убийств. Почему смерть Николаевой оказалась второй по очередности? Это я узнаю, соединив две ниточки в один клубочек. В перестройку корпорация умело подобрала под себя мелкие

предприятия, с годами превратившись в мощный оплот капитализма, и чтобы туда проникнуть, нужны такие же мощные пропуски. Особый мандат мне может вручить только генерал, но я не могу долго ждать. «Сама пробьюсь, – подумала я и заглянула в сейф. Во мне боролось смутное желание нацепить заплечную кобуру, чтобы увереннее себя чувствовать под защитой верного Макарова. – Ха! С пистолетом и дурак пробьется».

Я решительно захлопнула сейф и приклепнула кусок пластилина, опечатав его гербовой печатью. Так спокойнее будет. Все секреты под защитой государственной печати. Да что там секреты, в сейфе вся моя жизнь! Я сделала ручкой изумленному Виктору Владимировичу и исчезла из помещения.

Однажды я внимательно присмотрелась к довольно тучному Юрию Григорьевичу и окинула себя оценивающим взглядом. Если такой крупный дядька способен исчезать из кабинета, подобно джинну из бутылки, тогда мне, женщине стройной, как кипарис, сам бог велел. Несомненно, я смогу перенять это колдовское свойство и использовать его как выдастся случай, но испарялась я исключительно на глазах Виктора Владимировича, а при Юрии Григорьевиче особо не рисковала, чтобы не нарушить субординацию. Кому понравится, что его уникальные качества украли, да еще так нагло и беззастенчиво.

На улице свирепствовала оттепель. Огромные лужи зали-

вали проезжую часть. По Суворовскому проспекту спешила плотная вереница машин. Потоки воды лавиной вздымались вверх и с шумом обрушивались на прохожих. Я выскочила на дорогу и яростно замахала обеими руками, не обращая внимания на постового с автоматом. Вскоре я уже мчалась в сторону головного здания «Петромобели».

Ждать официального разрешения не было ни сил, ни мужества. Для получения служебной машины и оперативников для прикрытия уйдет много времени. Слишком долгие сборы, а я не могу и не умею ждать. Пока судьба гонит меня, подгоняя пинками во все места, надо мчаться. Придет время, и я отосплюсь, отсижусь на аналитической службе, а сейчас надо стремиться в неизвестность. В голове не было ни одного разумного вопроса, надеюсь, он появится, ведь если у Иннокентия Игнатьевича есть чутье, почему ему не быть у меня? Мне положено по должности иметь нюх и стойку. И я решила положиться на удачу и интуицию.

При виде вальяжного здания «Петромобели» я спохватилась, а как туда проникнуть? Охрана торчит на всех углах только что отремонтированного дома, сияющего роскошью и богатством. Вокруг скромно притулились дома похуже. Особняк «Петромобели» надменно возвышается над ними, как здоровый и мускулистый человек среди калек и убогих. Дорогу мне преградил верзила в черной куртке с желтыми нашивками на плечах. «На бендеровца похож!» – я брезгливо отпрянула от верзилы. Не знаю, как выглядели настоящие

бендеровцы, но они определенно не носили черные куртки с желтыми нашивками.

– Кто вам нужен? – спросил охранник, слегка присмирив от моего храброго вида.

– Кто-нибудь из руководства предприятия. У меня к ним есть вопросы. – Я говорила резко и отрывисто, чтобы верзила не успел задуматься над смыслом, пока он обдумает проблему, река времени утечет далеко-далеко.

– Для того чтобы вас приняло руководство корпорации, необходимо договариваться за неделю до встречи. У нас есть пресс-секретарь, я могу дать ее телефон.

«Можно представить, – подумала я, – эту пресс-службу в российском варианте. Ноги от ушей, мозги на коленках. Вопросы задавать можно, а вот с ответами может получиться неувязочка.

– Мне нужен директор, либо его заместители по кадровой политике, – я ловко ввернула фразу «по кадровой политике», желая поразить верзилу в самое сердце. Сердце оказалось хрупким и нежным, как у пятилетнего ребенка.

– Я свяжусь с начальником безопасности, – охранник подошел к телефонному аппарату, висевшему у двери. Он долго ждал, пока ему ответят. – Олег Иваныч, тут женщина подошла, требует, чтобы ее пропустили к руководству корпорации. Женщина, как ваша фамилия?

– Подполковник Юмашева, я из ГУМВД. – Мне пришлось пригнуть голову, чтобы слышать ответы Олега Иваныча.

– Она подполковник из ГУМВД, фамилия Юмашева. Нет, она не говорит, какие вопросы у нее есть, – верзила явно заробел, выслушивая гневный рокот черной пластмассовой трубки.

Я не смогла разобрать слова из трубки, но поняла, что они не сулят ничего хорошего. Верзила осторожно, не дыша, держал трубку подальше от уха, чтобы гневные слова не задевали его нервную систему. Я не могла придумать другого объяснения, почему он так осторожно, двумя пальцами держит пластмассовый передатчик человеческих эмоций. Так же осторожно он повесил трубку, долго цеплял ее на аппарат, потом повернулся ко мне и негромко пробурчал: «Вас не могут принять. Для встречи с руководством корпорации необходимо подготовить вопросы, прислать их по почте, после этого вам позвонят. Все телефоны есть в городском справочнике. На сайте тоже есть».

Я застыла. У меня началась внутренняя паника. Юрий Григорьевич, наверное, кроет меня сейчас матерными словами. Он уже вернулся от генерала и не знает, куда я подевалась. Сейчас будет звонить и ругаться. Я бездумно брела по улице, стиснув зубы, с закушенной губой. Мчатся, бежать и стремиться больше никуда не хотелось. Отбили пташке крылья. Я наивная надеялась, что магия аббревиатуры ГУМВД сработает. Со мной немедленно захотят побеседовать все члены директората корпорации: заместители, пресс-секретари и прочая шушера, но кроме «бендеровца» в черной курт-

ке никого не удалось увидеть. Где справедливость, как дальше работать? Я медленно брела по льдистому тротуару, осторожно ступая по вытаявшему снегу, выискивая сухие кусочки асфальта, искренне надеясь, что мои ноги останутся целыми и невредимыми, и я не попаду во всероссийскую статистику искалеченных и изувеченных в результате аномально-ненормальных морозов.

Юрий Григорьевич занимался серьезным делом, приводя в порядок содержимое стола. Это был не простой стол, тонкая столешница и две мини-тумбочки, нет, это целый столик, четыре огромные тумбы с папками и несекретными документами. В нем есть небольшая конторка. Стол хранит в себе много разных тайн. Впрочем, непосвященному доступ к ним закрыт, и чтобы разобраться в тайниках стола, надо отслужить в органах лет тридцать, не меньше. Недавно у меня возникли подозрения, что Юрий Григорьевич служит в полиции уже больше ста лет, но тщательно скрывает свой стаж. Мои восемнадцать служебных лет не идут в сравнение со ста полковничьими годами. Он постоянно подначивает меня моим якобы юным возрастом, намекая, что молодежь мало что смыслит в оперативной работе.

На столе возвышались горы бумаг. Каждую страничку Юрий Григорьевич любовно оглаживал, скреплял, подшивая в огромные кожаные папки. Да и этот стол незыблемо высится в кабинете еще со сталинских незабвенных времен. Когда мне скучно и тошно, я представляю, сколько народу пересидело за этим столом на высоких должностях, а потом и валялось под ним.

– Что, вернулись с позором, Гюзель Аркадьевна? – Юрий Григорьевич хитро улыбнулся и тут же спрятал улыбку. Сра-

зу видно, боится, что рассержусь. Полковник все знает. Из корпорации генералу по телефону настучали. Успели. Полный швах, а стыдно-то как!

– Откуда знаете? Про позор-то, – я устало плюхнулась на стул, впрочем, припрятывая взгляд и не снимая дубленки.

– А генералу уже позвонили. У него скоро инфаркт будет по вашей милости. То вы по «тревоге» не прибыли, то вас с мебельной фабрики прогнали.

– Почему прогнали? Просто не пустили, – мне даже плакать не хочется, до чего тошно.

От самодовольной улыбки Юрия Григорьевича вдруг захотелось совершить какой-нибудь противоправный поступок, но я сдержалась. Если он хоть одно обидное слово произнесет, тогда прорвусь на «Петромебель» с автоматчиками. Прямо хоть сейчас, сию минуту! Полковник нахмурился и замолчал, а я тихонько переместилась за компьютер. С автоматчиками беда, они не пойдут за мной. Эти парни только по приказу генерала. Ладно, отсижусь как-нибудь. Как назло, Виктор Владимирович отсутствует, а жаль. В экстремальных ситуациях он мне помогает, действуя, как люфт или громотвод. Варит в собственной кофеварке крепкий кофе, угощает шоколадными конфетами, иногда даже коньячку в кофе накапает, но это под хорошее настроение. Кстати, отличное лекарство для асфальтового сердца. Ничего хорошего из моего порыва не вышло. И нечего вздыхать. Получился полный швах. Ничего, переживу. Не впервые. А сейчас меня ра-

бота ждет.

Я включила компьютер. На мониторе засветились буквы: «Анализ оперативной обстановки показывает, что...» Каждый день одно и то же: анализ оперативной обстановки что-нибудь показывает. От огорчения мои пальцы начали лезть по клавиатуре, давая свободу мыслям и отдых разбушевавшимся эмоциям. Надо заниматься своим делом. Нечего лезть в чужие игры. Надо быть, как все, скромно и тихо сидеть за компьютером, анализируя сложную оперативную обстановку. В конце концов, в каждой работе можно найти изюминку. Повеселевшие пальцы удвоили скорость, клавиши бойко перестукивались, но на какое-то мгновение я остановилась, руки замерли над клавиатурой. Я подняла голову и обнаружила, что Юрий Григорьевич сидит у моего стола, загадочно улыбаясь, в довольно несвойственной ему позе. Он положил ногу на ногу и постукивает пальцами по столу в такт моим манипуляциям. Чем больше я живу на свете, тем больше меня удивляет этот мир.

– Гюзель Аркадьевна, вы успокоились? – Сразу видно, что у начальника появилась новая идея, судя по его довольной улыбке.

– В общем-то, да. Обидно, знаете ли, – я сделала попытку продолжить работу, но полковник сделал знак, дескать, не надо, остановись, мгновение. Я покорно замерла.

– Я позвонил в убойный отдел и договорился с Королевым, что мы будем работать вместе. Обмен информацией

и взаимное сотрудничество. В убойном согласились, но как только услышали, что это будет Юмашева, схватились за голову. Так что могу тебя огорчить, большой радости от сотрудничества с тобой никто не проявил.

Юрий Григорьевич редко называет меня на «ты». Это бывает в двух случаях: когда он слишком зол на меня или когда хочет реализовать новую идею с моей помощью. Пришлось стиснуть зубы, чтобы пережить обиду. Надо бы изобразить жертвенную готовность, это иногда помогает.

– Ты, как всегда, торопишься и делаешь ошибки, но я не хочу тебя останавливать. Чем больше ты набьешь шишек, тем больше наживешь опыта. Скажи, пожалуйста, ты изучила результаты медицинского исследования трупа Сухинина? Провела почерковедческую экспертизу? Надо было сравнить почерк Сухинина с этой запиской. Ведь ничего не сделала! – полковник торжествующе посмотрел на меня. – С чего ты начала работу в Тихвине? С деда! А надо было начать с изучения материалов уголовного дела. Что там может найти гаишник? Ничего. Он, наверное, и не читал результаты медицинского исследования, – Юрий Григорьевич встал и быстрыми шагами начал измерять расстояние от окна до моего стола. – Ты всегда работаешь на эмоциях. Это правильно, без этого не обойтись в нашей работе, но нельзя забывать, что интуиция, чувства, эмоции – не главное. Главное в нашей работе что? Разум и логика! – полковник погрозил мне пальцем. – Почему ты помчалась на «Петромебель»? Я мог

бы остановить тебя, но не сделал этого. Думаю, пусть проветрится, помучается, может, толк и выйдет.

– Одна бестолочь останется, – я пыталась шутить. Назидательный тон в голосе начальника действует на меня как стимулятор.

– Может быть, вы и правы, Гюзель Аркадьевна. – Юрий Григорьевич перешел на обычный вежливо-безразличный вариант беседы. – Я думаю, вам нужно начать с проведения экспертизы. Если записка написана рукой Сухинина, тогда можно подумать о направлениях поиска.

– А результаты медицинской экспертизы запрашивать?

– Разумеется! – чуть не закричал полковник, но сдержался. – Без лишних вопросов нужно было это сделать.

– Но это очень долго, – строптиво возразила я.

– А кто виноват, что вы прохлаждались в командировке с Линчуком. Кушали чебуреки и пельмени, – стул под Юрием Григорьевичем угрожающе закрипел.

Полковник уже сидел за своим столом, продолжая вычищать хлам из ящиков. Сейчас он мне напоминал комиссара милиции из старых фильмов.

– Картошку мы с Линчуком ели, отварную, но в мундире, – проворчала я, злясь на весь белый свет.

Злиться надо было на самое себя, понадеялась на гибэд-эдэшного инспектора, думала, он изучит дело и найдет погрешности. А оно ему надо? Почему я сама не посмотрела дело? Понадеялась на специалиста, лучше меня разберется,

он же специалист. Думала лишь о том, чтобы Иннокентий Игнатьевич больше жалобами не швырялся. Вот и получила по темечку. Теперь нужно что-то сделать, чтобы исправить положение. Первым делом запросить результаты экспертизы, во-вторых, найти еще какое-нибудь письмо, написанное Гришей собственноручно, и отправить в экспертно-криминалистическое управление. На все это уйдет месяца два-три. При учете моей неумемной энергии срок можно сократить до месяца.

Я глянула на календарь, через месяц будет двадцать шестое февраля, к этому времени надо успеть сделать максимум полезной работы: вернуть утраченный авторитет и найти убийцу. Что еще для счастья нужно? Это же бальзам для одинокой дамской души.

Иннокентия Игнатъевича долго уговаривать не пришлось. На следующий день он приехал в Петербург. Ровно в десять часов утра он уже мучил постового милиционера, требуя, чтобы тот немедленно отыскал Гюзель Аркадьевну Юмашеву. Дежурный нашел меня на совещании, долго препирался с инспектором, сопровождавшим секретное собрание, наконец, выудил меня из душного помещения. Когда я с трудом пробралась сквозь ноги сотрудников и ряды кресел, дежурный приказал срочно разобраться с бушующим дедом. Я спустилась к главному входу и издали увидела Иннокентия Игнатъевича. Он громко пререкался с молоденьким постовым, с грозным видом наступая на безусого парнишку в форме.

– Иннокентий Игнатъевич, здравствуйте. Не ругайтесь с сотрудником, он при исполнении. Постовой выполняет свой долг. Идемте в переговорную, – я схватила старика за рукав ветхого пальто и увлекла за собой в комнату для посетителей. – Привезли письма? Отдайте мне, я вам все верну после экспертизы. Слово даю! – я прижала обе руки к сердцу, чтобы выглядеть убедительнее.

– Гюзель Аркадьевна, кроме этих писем у меня ничего не осталось от Гриши, – старик чуть не заплакал, прижимая конверты к груди.

– Когда он их написал? – я разбирала старые затертые конверты.

– Из армии еще писал.

Как мне было жаль старика, глаза слезятся, нос мокрый. Жуть. До чего унизительна старость!

– Как это – из армии? А свежих разве нет? – От огорчения все конверты выпали из моих рук, рассыпавшись веером по полу.

– Нееет, свежих нет. А зачем? Он ко мне сам приезжал из Питера, – старик бросился поднимать бесценные письма.

– Гриша что-нибудь рассказывал вам о своих знакомых? Может, у него любовница была? Или подруга? Он же молодой мужчина! – спросила я, слегка шарахнувшись от разъяренного старика. – У него были женщины? Не один же он жил.

– Один! Сухинины не болтаются почем зря, – жестко отрезал Иннокентий Игнатьевич, резко взмахнув рукой. Жест явно означал, что более бестолковой женщины, чем Гюзель Аркадьевна, он в жизни не встречал. – Сухинины женятся раз и навсегда, а просто так не болтаются, – строго добавил он, подтверждая моральную устойчивость семейного клана Сухининых.

– Ну, хорошо, Иннокентий Игнатьевич, договоримся так, если у меня будут новости, я вам сразу позвоню.

– Договорились, – буркнул старик и поковылял к выходу. Ссутулившаяся спина, некогда прямая, шаткая походка,

весь горестный вид деда говорил о нестабильности в этом мире. «Его внуку еще бы жить да жить, а вот, получите, старик живой, хоть и еле ноги волочит, а молодого парня нет, – подумала я, но тут же резко оборвала себя. – Опять не о том думаешь, о нестабильности, о разрушенных ценностях, вместо того чтобы действовать по плану».

А план мой был до гениальности прост. Я решила всю трудную и монотонную работу свалить на оперативников убойного отдела. У них больше сорока сотрудников. Пусть изучают дело. Они могут затребовать уголовное дело из Тихвина и исследовать полностью медицинскую часть. Если найдут несоответствия в деле, то в связи с вновь открывшимися обстоятельствами также могут потребовать эксгумации тела Сухинина. Чем не гениальная идея?

Испокон веку опера из убойного отдела упорно игнорировали меня, вообще они органически меня не переваривают за нестандартные выходы. У них несварение желудка при звуках моего имени. Им трудно и сложно, а я вечно путаюсь у них под ногами. Вот они и злятся. При встречах со мной в управлении оперативники изображают бурную радость, мгновенно затухающую при моем исчезновении. А когда я появляюсь на четвертом этаже, оперов начинает тошнить и мутить. Если в епархии убойного отдела промелькнула моя тень, значит, у меня появились новые сногшибательные идеи, что в корне меняет наши сложные взаимоотношения. Особенно дергается один из сотрудников, самый главный из них – начальник отдела Владимир Федорович Королев. Он нервно крутит головой, словно пытается кого-то увидеть за моей спиной. Там никого нет, это я точно знаю. Сзади белая ровная стена и высматривать в ней нечего, но Королев все равно тупо пялится в эту стену, делая вид, что вникает в суть моего изложения.

– Королев, ты не слушаешь меня? Я же дело говорю! – Я припустила петуха в голосе от возмущения. По коридору гулко разнеслось эхо.

– Слушаю, слушаю вас, товарищ штабная крыса. – Королев перевел взгляд со стены на меня.

Я замаскировала ненавидящий взгляд за очками, гневно сверкнула стеклами, но тут же отлипла от стены, напирая всем телом на Королева.

– Сам такой, клерк от уголовного розыска. Сидишь тут, штаны просиживаешь, уголовные дела изучаешь. Даже в командировки не ездешь. Я сама дело запрошу. Да пошел ты, сам знаешь куда! – и мои каблучки звучно отстучали внутриведомственный скандал.

– Куда ты, Гюльчатая? Я же пошутил, – крикнул Королев мне вдогонку.

Каблучки немедленно прекратили бойкий стук, словно раздумывали, дальше скандалить или пойти все-таки на мировую?

– Ладно, давай мировую! – Я стараюсь говорить веско, передразнивая Королева. – Ты запрашиваешь дело, вникаешь в результаты медицинского исследования, а потом вместе посмотрим, что делать. Идет?

– Это будем посмотреть. – Королев играет словами, словно боится потерять мужское достоинство. По-моему, все мужчины нашего управления с утра до ночи озабочены угрозой утраты того самого уникального достоинства. Да на месте оно, на месте.

– Ладно, будем так будем, посмотреть так посмотреть. Идет! – каблучки уверенно застучали по направлению к лифту. Главное, осуществить гениальную идею, а там, там – будем посмотреть! Цитирую Королева. Теперь осталось

съездить к экспертам. Беру с собой записку и письма Сухинина, ну, не почтой же отправлять. Идентифицировать почерк довольно сложно, для этого подозреваемый обязан быть живым. Он должен написать много-много букв под диктовку оперативника или следователя. Григорий Сухинин давно на кладбище. Писать диктант некому. К тому же Сухинин – не подозреваемый, а потерпевший. Понятно, что без прописанных под диктовку букв никакой стоящей экспертизы не получится. Записка с мелкими закорючками и письма, написанные больше десяти лет назад, – вот и все, что у меня было в руках. Я везла вещдоки в отдельном пакете, слишком мало для эксперта, но я знаю одного уникального эксперта, ему все по плечу. Это Миша Белкин. Хороший парень. Если его ласково попросить, он что-нибудь наскребет, даже из письма двадцатилетней давности. За эти годы Белкин давно мог стать начальником экспертного управления. За мягкосердечность его все любят, но в должности не повышают, словно на должности начальника интеллигентность не обязательна.

– Миша, ты меня любишь? – Я наспех строю кокетливую улыбку и бросаюсь навстречу Белкину.

У меня есть огромный недостаток – я никогда не звоню заранее, чтобы договориться о встрече. Единственное, что умудряюсь сделать, – изучаю график работы специалистов. Люблю внезапность, она кого хочешь заставит чудеса творить.

– Очень! – Белкин при встречах со мной смущается и предательски краснеет. Миша не ожидал меня увидеть. Покраснение лица означает, что сработал принцип внезапности.

– Миша, говорят, ты женился, – я действую методом шоковой терапии с разбегу. С налету. Принцип внезапности должен согнать смущение с румяного Мишиного лица. Он, несмотря на возраст и стаж, по-прежнему румян и свеж, а все потому, что не курит.

– Да женился, женился я, – смущенно пробормотал Белкин и опустил голову.

Он покраснел еще больше, словно женитьба сотрудника органов приравнивается к совершению должностного преступления.

– Мишка, ты краснеешь, как красная девица. Тебе сколько лет? – Я засмеялась, а ведь приехала с серьезными намерениями. Серьезнее не бывает.

– Столько же, сколько и тебе, – пробормотал вконец смутившийся Белкин, – а ты какая была, такая и осталась.

– А ты хочешь, чтобы я превратилась в седую и косматую старуху?

Надо срочно осваивать пространство. Мне уже понятно, что придется помучиться с экспертизой. Пока объясню в чем дело, часа полтора пройдет. Надо быстрее приводить его в чувство, а как? Применить метод шоковой терапии на практике? Нужно озадачить его какой-нибудь трудноразрешимой задачей, тогда он сразу войдет в рабочее состояние.

– Не хочу, оставайся такой же, – милостиво разрешил Белкин и приобрел обычное настроение.

– Миша, у меня к тебе дело государственной важности, – я старалась говорить шепотом, чтобы придать нашей беседе некую интимность. – Надо сличить почерки и установить, кто написал вот эту вещь, – я бережно достала из конверта замусоленное руками и временем единственное вещественное доказательство. – Это письма десятилетней давности, это записка, найденная на теле того же человека.

– А где направление? – Белкин вытаращил на меня по-детски наивные глаза. Дружба дружбой, а служба службой.

– Миша, ну до чего ты душный! Вот тебе запрос, вот тебе направление. Генерал сам подписал, не поленился. Учти, это поручение самого генерала! Работай, Миша, работай, – я уселась в низенькое креслице возле Белкина и прикрыла глаза. Надо немного потерпеть, пока он присмотрится.

– А что с ним случилось? С трупом, а не с генералом, – Белкин, нацепив лупу, принялся колдовать над письмами.

– Наезд на трассе неустановленным лицом. Есть подозрения, что наезд совершен не случайно. Работай, Белкин.

– А у кого такие подозрения? У тебя одной, что ли? – Белкин он и в Африке Белкин. Не смог удержаться от иронии. Всем известна моя привычка всех и вся подозревать. Что тут поделаешь, почти все опера заражены манией преследования. Это профессиональное заболевание.

– Белкин, ты ошибаешься. Подозревает мой начальник, а

с начальством, как ты знаешь, не поспоришь. Работай, Белкин, работай!

Белкин засопел над своим столом. Маленького роста, кругленький, упитанный, с розовыми щечками, Миша всегда напоминал мне поросенка Хрюшу. Так же по-детски наивно задает вопросы и таращит глаза, но за круглыми глазками прячется творческое вдохновение и талант. Я тихо сидела, не шевелясь, в своем креслице, боясь нарушить творческий процесс. «Пусть он поколдует, мешать не буду, – подумала я, стараясь не вникать, что надо будет сделать, если Белкин сможет установить почерк? Если вдруг окажется, что письмо и записка написаны рукой Сухина? Черт с ним! – шумно выдохнула я вслух. – Будет проблема, буду решать. Зачем ломать голову, если проблемы пока нет».

Я свернулась клубочком и уснула. Сны меня не беспокоили, наверное, мистические явления боятся экспертов и не заглядывают в их края.

– Проснись, замерзнешь, – я очнулась от легкого тычка в спину. Белкин, улыбаясь, накрывал на стол. – Пока ты спала, я уже в магазин сбегал.

– Да ты что! А я ничего не слышала, спала, как ребенок, без сновидений. Зачем ты в магазин бегал? Это я должна тебя угощать, – настала моя очередь краснеть.

Если уж обратился с просьбой к старому товарищу, непременно сбегай в магазин, чтобы угостить коллегу на славу. Так положено по уставу, естественно, неписаному. Автор зако-

на неизвестен. Бездарные потомки утратили славное имя летописца добрых традиций. Белкин, покрываясь румянцем, робко сказал: «Гулька, я же мужчина, за встречу должен проставиться». Я почти умерла от любопытства, но побаивалась спросить о результатах исследования. Если спрошу, нарушу устав того самого автора, имя которого осталось неизвестным. В кабинет неслышно подтянулись сотрудники экспертного управления. Бесплотными тенями, тихо и незаметно, они окружали стол, заставленный едой, пока не оккупировали его окончательно. Белкин возмущенно заорал: «Не трогайте, это не для вас, это для Гульки!» – и куда только румянец подевался. Он еще и орать мастер. Пришлось взять бразды правления в свои руки.

– Коллеги, приступим, а то сейчас Шашунов унюхает своим экспертным носом запах алкоголя и примчится, чтобы разогнать нашу шайку-лейку. Он с экспертов начинал?

– Да, да, – загалдели эксперты, дружно наваливаясь на маринованные огурчики. Сейчас они не боялись никого, ни Шашунова, ни генерала. Что есть начальственный гнев по сравнению с маринованными огурчиками? Сейчас все сметут, надо успеть перекусить, в конце концов, Белкин для меня старался. Я раздвинула каменные спины экспертов и принялась за угощение, ничуть не смущаясь, что поглощение пищи происходит в разгар рабочего дня, в экспертно-криминалистическом управлении среди ведомственных сослуживцев.

– Гуль, покажи пушку, – вдруг пристал Коля Удалец, да, да, у него такая фамилия. Коля Удалец, эксперт, капитан. После неудачи на «Петромебели» я везде бегаю с пистолетом, он придает мне уверенность. Я отцепляю пистолет и даю подержать Удальцу, затем оттаскиваю Белкина в угол и многозначительно спрашиваю: «Миша, ну что? Чей почерк, Сухина?»

– Нет, это не его почерк. – Белкин поморщил гладкий лоб. Ему не хочется огорчать меня. Почерк в записке неидентичен почерку Сухина...

– Да ты что! – все мои версии летят к чертям собачьим. Наверное, это к лучшему. Вдруг раздался сильный хлопок. Я сжалась, с ужасом понимая, что это не хлопок, а выстрел из пистолета «Макаров». Белкин в углу, я спиной к застолью. Страшно обернуться, боюсь, что это новый труп. Веселье стихло. В кабинете наступила мертвая тишина. Мы с Белкиным мумифицировались в углу от страха, но тут в кабинет ворвался сам Шашунов. Он подлетел к столу, затем оглядел бешеным взором всех присутствующих, неожиданно скакнул в угол и резко дернул меня за плечо. Все это эксперты рассказали мне чуть позже, в самом конце приключения. В тот момент я ничего не видела, думала, Шашунов меня побьет. Или убьет. Или обматерит. Но не случилось ни того, ни другого, ни третьего. Когда Шашунов понял, что все живы и здоровы, то уселся за стол и налил себе рюмку коньяка, залпом выпил и ушел. Все это он проделал в молча-

нии. Мы быстро убрали остатки пиршества со стола, вылили остатки злополучного коньяка в раковину. После этого все шумно расхохотались.

– Ты, Удалец, балда, у меня же всегда патрон в патроннике. Ствол нужен для защиты, а не для нападения, это тебе не игрушка, – я поправила кобуру и усмехнулась. – Вот если бы ты замочил кого-нибудь, не ходить бы мне никогда в полковниках.

– А ты, что, полкана получила? – загалдели эксперты.

Очередное звание – тема для нас животрепещущая и болезненная.

– Нет, но собираюсь! – гордо изрекла я, размышляя, будет Шашунов шум поднимать или сделает вид, что ничего не заметил. Наверное, сделает вид, что ничего не произошло. Иначе ему несдобровать, генерал у нас вспыльчивый. Всем известен его шумный характер. Мне достанется на орехи, но и Шашунову отломится еще больше, чем мне. Шум, гам, служебное расследование, взыскания, выговоры и всякие там служебные несоответствия.

– Сегодня кто у вас дежурит от руководства? – на всякий случай поинтересовалась я.

– Шашунов! – хором выдохнули эксперты, поглядывая в раковину и вдыхая ароматный запах.

Сожаление от содеянного в результате психологического шока охватило всю компанию. Зачем вылили коньяк в раковину? Ненормальные же люди, да где это видано? Примерно

такого содержания вопросы запечатлелись на их лицах.

– Белкин, официальное заключение пришлешь по почте, – я помахала на прощание ручкой, издала боевой клич командчей и исчезла из поля зрения ЭКУ, словно это была не я, а кто-то другой.

Как это могло случиться? А если бы застрелили кого-нибудь нечаянно? Господи, неужели пронесло стороной? Экая неприятность. Всем неприятностям неприятность! Бедный Шашунов, при встречах со мной он и без этого случая покрывался трупными пятнами от страха, теперь будет избегать меня за километр. На этой мысли я споткнулась. Даже не заметила, как добралась до пункта назначения. Я стояла перед дубовой дверью. Она тяжелая и огромная. И это дверь нашего управления.

«Совесьть – категория этическая», – любил говаривать один из моих бывших начальников, давая понять сотрудникам, что можно обойтись и без оной. Лично меня совесть мучает постоянно, совсем как сейчас. Как только представлю последствия неразумного поступка, тут же совесть просыпается и начинает грызть меня, как глист-солитер. Вообще-то, я не знаю, как грызет внутренности глист-солитер, но моя совесть представляет осязаемую субстанцию. Она грызет, сосет, заставляет страдать, короче, постоянно мучает меня. В такие периоды моей жизни я становлюсь на редкость стоворчивой и покладистой. Заглядываю начальникам в глаза, вспоминая, сколько раз им попадало из-за меня, бегаю, как оглашенная, стараясь безупречно выполнить самые ответственные поручения. Коридоры управления раздвигаются, коллеги уступают мне дорогу, едва завидев издали. Канцелярия управления оглашается моими возгласами каждые полчаса, а она находится на первом этаже, а я на пятом. И так весь день, вместе с совестью-солитером ношусь, пока не выбегаю все мои муки. К вечеру становится ясно, что день прожит не зря, мною сделан блок работы примерно на месяц вперед, начальники уже гордятся мной, и тогда совесть уползает в свою нору, а где она там прячется до поры до времени, даже и не знаю. Бывает, конечно, желание найти то за-

гадочное место, отыскать мучительницу-совесть и взять ее в свои руки, чтобы не она мной управляла, а я ею.

Даже за свой рабочий стол присаживаюсь скромно, не как обычно, по-хозяйски, а бочком, словно не заработала себе рабочее место. Вот и сейчас включила компьютер и заплясала пальцами по клавиатуре. Если подготовлю аналитическую справку к вечеру, есть надежда, что совесть заползет в свою норку. Юрия Григорьевича в кабинете нет, Виктор Владимирович тоже отсутствует. Я открыла шкаф, точно, шинелей нет, оба на выезде. Ах, да, очередное убийство. Лампочка на карте с монотонным подвыванием излучает сигналы бедствия: «SOS», спасите наши души. Жаль, жаль, ведь чаще всего мы выезжаем, когда спасти уже некого. Я ловко подпрыгнула и нажала на кнопку. На этот раз сработало. Лампочка перестала вопить. Смешно, но Виктор Владимирович и Юрий Григорьевич могут спокойно работать при этой лампочке, не замечая, что она воеет уже несколько дней. Я же не могу слышать никаких сигналов бедствия, мне хочется, чтобы жизнь всех радовала и приносила одно лишь счастье. Так уж я устроена. У меня восприимчивая душа. Люди с подобным мироощущением пытаются отдалиться от людей, а я восемнадцать лет нахожусь на службе в органах в самой гуще кипучей жизни. Всегда среди людей, и службы мне все эти годы доставались самые трудные. Так уж получилось.

Вообще-то, свой путь выбирала самостоятельно, всегда считала, что должна пройти долгую дорогу вкупе с жизнен-

ными испытаниями. «Пройти-то прошла. Зато из-за моей глупости чуть человека не убили!» – воскликнула я вслух и тут же услышала в ответ: «Да, Гюзель Аркадьевна, из-за вас человека убили!»

Полковник снова материализовался в кабинете, как старик Хоттабыч. Виктор Владимирович, как все нормальные люди, вошел в кабинет, открыл и закрыл за собой дверь, а Юрий Григорьевич не просто вошел, он еще и прочитал мои грешные мысли.

– Почему из-за меня? – вытаращилась я.

– Вы вчера ездили в «Петромебель»? – Юрий Григорьевич дождевой тучей навис над моей грядкой. «Грядкой» я называю свой стол и никому не позволяю переставлять его без моего ведома.

– Вы же знаете, что ездила, – ответила я. Сижу, никого не трогаю. Вот с какой стати он ко мне прицепился?

– Мы с Виктором Владимировичем были на месте происшествия, – Юрий Григорьевич повернулся к карте, увидев, что лампочка мерцает ровным светом и не зуммерит, снова повернулся ко мне, – убит начальник безопасности «Петромебели».

– Не может быть! – прошептала я, вспомнив, что верзила-бендеровец разговаривал по внутреннему телефону с неким Олегом Ивановичем, а я даже пыталась подслушать разговор.

– Может! Срочно идите в убойный отдел и объясняйтесь.

Я не хочу из-за вас в дураках ходить.

– Они, что, допрашивать меня будут? Я же в глаза не видела этого Олега Иваныча! – просипела я.

Внезапное нападение превратило мой голос в дискант. Юрий Григорьевич махнул рукой, дескать, идите, идите уже в убойный отдел, только не визжите.

– Гуль, сходите в убойный, объясните им, зачем вы приезжали в «Петромебель», – нормальным голосом посоветовал Виктор Владимирович.

Ему не хочется присутствовать при служебной перепалке. Потом отвечай на три вечных вопроса: кто был виноват, что надо делать, где лучше пересидеть ссору.

– Виктор Владимирович, к кому мне подойти в убойном? – я нарочно обратилась с вопросом к Виктору Владимировичу, чтобы задеть своим невниманием Юрия Григорьевича, но его не трогают мои охлажденные чувства. Абсолютно. Он тихо переговаривается с Виктором, нетерпеливо поглядывая на меня, видно, сгорая от нетерпения, когда же я уйду.

– Подойди к Королеву, он ждет тебя, – Виктор Владимирович прерывает беседу с полковником и сочувственно смотрит на меня, что не положено по уставу, заодно напутствует взглядом, мол, не тушуйся, все нормально. Я схватила рабочую тетрадь и побежала по коридору в убойный отдел. От одной мысли, что меня ждет кровожадный Королев, всегда готовый выпить из меня литра два крови, у меня пре-

рвалось дыханье и кровь в жилах застыла.

– Привет, Королев! – Я расхрабрилась, нарочито демонстрируя своим видом, что настроение у меня отличное, задор боевой и, вообще, моя совесть чиста. – Допрашивать будешь?

– Обойдусь, – проворчал Королев, доставая какие-то листы, исписанные мелким почерком. – Скажи, ты видела Олега Ивановича?

– Нет, не видела, но он дал указание не пропускать меня в здание, и никакие уговоры не помогли. – Я устроилась поудобнее, готовясь к долгой беседе. Побеседовать о серьезном деле с самим Королевым – это вам не на подиумах блистать. Это гораздо круче! На подиумах-то любая сможет.

– Зачем ты пошла в «Петромобель»? – Королев уставился на меня пустыми глазами, но меня не проведешь. Я знаю – это у него прием такой. Типа – фишка. Смотрит на человека и будто бы не видит его, а сам все нутро наружу вытаскивает. Королев лет двадцать с мокрушниками возится. С допроса на допрос. Они ему как родные.

– Не знаю. Сама толком не знаю. Сухинин работал у них водителем. Ты уже запросил уголовное дело из Тихвина?

– Запросил, завтра привезут, – он отмахнулся от меня, как от назойливой мухи, – значит, ты не видела Олега Иваныча?

– Нет, не видела, а что? – Я положила ногу на ногу, собираясь закурить. Сигарета в одной руке, зажигалка в другой, одна нога повисла в воздухе. Я раздумываю, как бы поэле-

гантнее произвести впечатление. В кои-то веки меня принимают в убойном отделе на равных, а не как женщину-сотрудницу.

– Свободна! – рявкнул Королев. – Можешь срочно испаряться в свой штаб.

– Сволочь ты, Королев! – сказала я, а как красиво все заду­мывалось. Роковая женщина с откинутой рукой. Вся в изло­мах. Ах, не срослось, картина осталась недописанной. При­шлось сматывать удочки. Я мигом испарилась из убойного отдела, искренне радуясь, что вовремя разглядела уникаль­ное качество в полковнике. Теперь я тоже, как старик Хот­табыч, но в юбке и рангом пониже.

В застывшей напряженной тишине веяло свежим ароматом кофе. В кабинете поменялась аура. Наступил час умственного труда, по всей видимости, чрезвычайно напряженного. Юрий Григорьевич и Виктор Владимирович углубились в работу. Они не сопят, и даже не дышат. Сидят тихо. В воздухе тихо шелестит бумага, навевая мысли об архивных крысах. Я мышкой проскользнула за компьютер и тупым взглядом уставилась в монитор. Задумалась. Надо проникнуть на «Петромебель»! И я сделаю это, чего бы мне это не стоило!

– Юрий Григорьевич, можно задать вопрос? – Я робко присела на стул, стоявший рядом с глыбой-столом.

– Спрашивайте, Гюзель Аркадьевна, – милостиво разрешил Юрий Григорьевич.

– Пожалуйста, добудьте мне разрешение у генерала на доступ в «Петромебель», – я заискивающе заглянула ему в глаза, – вы же обещали!

– А я уже получил разрешение, – сказал с улыбкой полковник, – я же знаю, что для вас это бальзам. Пока вы любезничали с Королевым, – в этом месте я не преминула хмыкнуть, знали бы вы, как мы с Королевым любезничаем, – я убедил генерала в целесообразности такой встречи, сначала мы хотели договориться о встрече на комбинате, но потом

решили вызвать всех прямо в управление. Генерал вам доверяет, Гюзель Аркадьевна. Бальзам, просто бальзам для вашей души!

– Что – «бальзам»? – с недоумением спросила я.

– Бальзам – в смысле бальзама, – Юрий Григорьевич оторвался от бумаг и засмеялся, разглядывая меня. – Завтра все руководство «Петромебели» будет в вашем распоряжении. Прямо здесь, с доставкой на дом. Благодарите генерала, он не любит, когда сотрудников обижают. Не пушают там, страшат. И так дальше. Если бы вас вчера пропустили в здание, убийства бы не произошло.

– И вы будете присутствовать при встрече, Юрий Григорьевич?

– Зачем? Вы сами справитесь. – Юрий Григорьевич уже потерял ко мне интерес.

– Но я, это, я боюсь, – пробормотала я, борясь с противоречивыми чувствами. Мне хотелось добиться справедливости, но и страшновато было. Вдруг я не справлюсь? Тогда ослаблюсь на все управление. Вот Королеву радости-то будет! Вообще-то, я никого и никогда не боялась. И в управлении это знают.

– А вы не бойтесь, – Юрий Григорьевич отпил глоток из чашки и добавил: – Пейте свой кофе, а то что-то вы у нас бледная. Вы хоть знаете, кто генеральный директор на «Петромебели»?

– Да, знаю, Дмитрий Николаевич Шерстобитов, у него

есть два учредителя – Шацман Григорий Исакович и Шерегес Александр Иванович. Шерстобитову сорок пять лет, Шерегесу около сорока, Шацману далеко за пятьдесят. Все они в одной упряжке почти десять лет. Корпорацию создавали собственными руками, на пустом месте, точнее, на месте социалистической собственности. Энное количество лет назад социалистическая собственность являлась бесхозной, как они считали, быстренько подобрали себе комбинат. По вкусу. Много лет укрупнялись, создавали империю, в переводе на общедоступный язык – корпорацию. Почему директор корпорации – Шерстобитов? Потому что у него самая русская фамилия, в российском бизнесе принято назначать директорами людей с русской фамилией. Я их называю «Три Ша», или «Школа шпионов в штатском». На ТВ была прикольная передача с таким названием, – от кофе у меня окончательно прояснилось в голове, нет, все-таки я не чайная женщина, скорее, кофейная дамочка.

– Красиво рассуждаете. – усмехнулся Юрий Григорьевич. – До завтра вас хватит? Не растеряете способность мыслить?

– Не растеряю, – расхрабрилась я. Как бы не пришлось доказывать полковнику уровень моего профессионализма.

«Анализ оперативной обстановки показывает, что за 12 месяцев прошлого года...»

«Как быстро мчится время, – думала я, мелькая пальцами по клавиатуре, – мне надо его опередить, обогнать. И я сде-

лаю это. Ведь я быстро бегаю. Надо срочно изучить материалы уголовного дела по факту убийства Телегина Олега Ивановича. Это жизненно необходимый процесс, как есть, спать и дышать. Лишь бы убойный отдел мне не помешал! Плохо, что Юрий Григорьевич не помогает мне, но он считает, что я сама должна вникать во все подробности. Полковник вообще никогда ни мне, ни Виктору Владимировичу не объясняет, что и как мы должны делать. Сами работайте, сами думайте, служба есть служба. У нас работа творческая. Это вам не армия! – любит добавлять Юрий Григорьевич, отправляя нас на сложные задания.

На голове Телегина медики-эксперты обнаружили ушиб, свидетельствующий о том, что Телегин был мертв к тому времени, когда его переехал автомобиль. В сущности, этой информации было достаточно. Все остальное сделают специалисты из убойного отдела. Они рассчитают по минутам и секундам, когда и как был нанесен удар и каким образом Телегин оказался на проезжей части.

Я понимаю Юрия Григорьевича. Я всегда его понимаю, даже когда злюсь на него. Сильно-сильно злюсь. Полковник хочет доказать управлению уголовного розыска, что в штабе, святая святых управления, тоже работают специалисты, и не менее великие, чем в убойном отделе. Ради торжества справедливости полковник разрешил мне провести независимое расследование, естественно, с обязательным обменом информацией с убойщиками. Моя задача по этой причине,

с одной стороны – облегченная, с другой стороны – усложненная. Всегда сложно кому-то и что-то доказывать. Юрий Григорьевич и сам мог бы разобраться в этом деле, но он считает, что при правильном направлении талантов и способностей сотрудника задачу легче решить в короткие сроки. От этого будет только польза родному управлению. Это раз. Польза населению – это два. Население ли на первом месте, управление ли на втором, никто толком определить не может, но лучше, чтобы обе стороны остались довольны. Надо хорошенько продумать, как принять высокопоставленных гостей из мебельной корпорации. Можно отправить Линчука на вход, чтобы встретил их, или самой сбегать вниз, главное, оказать гостям почет и уважение. Ни то, ни другое никуда не годится. Я чертыхнулась. В голове ни одной умной мысли, а время неумолимо бежит. Оно просто утекает. Надо срочно что-то придумать. Лучше буду ждать звонка, когда гости позвонят, тогда попрошу постового милиционера пропустить, пусть сами ищут дорогу в наш кабинет, авось не заблудятся. Если разобраться, подпольный миллионер из них один: Шацман Григорий Исакович. Он всегда сидел на деньгах, даже при советской власти. Шерегес вылез на перестройке, в молодости учился на инженера, даже работал одно время на заводе, потом неожиданно завладел бывшей социалистической собственностью, но на паях, разумеется. Шерстобитов – темная лошадка, чем он только не занимался, и фарцовкой, и скупкой ваучеров. Кстати, приоритет в

создании мебельной корпорации принадлежит именно ему. Это он умудрился скупить все приватизационные чеки у мебельных рабочих. Благодаря его сметке комбинат попал в руки этой троице. О взаимоотношениях партнеров в городе не осведомлены вроде, но до сих пор они ладили друг с другом, не ссорились, по крайней мере, публично. Все женаты, благополучные семьянины, домовитые и обремененные многочисленными родственниками. Вот, пожалуй, и все, что я сумела узнать о завтрашних гостях. Они не знают, что я готовилась к встрече. Хорошо, что Юрий Григорьевич убедил генерала в необходимости randevу четырех заинтересованных лиц. Ему пришлось приложить максимум усилий, чтобы зазвать «Три Ша» в управление. Хорошо бы съездить в паспортный стол и снять копии фотографий, но это уж абсолютно никчемное занятие. Они ведь не преступники, а всего-навсего простые российские миллиардеры. В сети ни одной фотографии. «Три Ша» – великие конспираторы. Представляю их лица, когда они услышат вопрос: «Почему в вашей корпорации убиты два работника безопасности?» Они ответят: «А мы не знаем, кто их убил. Мы честно платим налоги на содержание правоохранительных органов, вот и ищите преступников. Сами-сами ищите! Все сами». Воображаемые вопросы и ответы вызвали у меня улыбку. Смешно, конечно! На этом наша беседа и закончится. Славненько как.

В эту ночь я спала спокойно. После последней заварушки пистолет надежно спрятан в сейфе. Я здорово рассердилась

на него, полагая, что он оказал мне дурную услугу. «Без тебя обойдусь», – буркнула я, закрывая маленький ящичек в сейфе на секретный ключ. В ящичке хранятся самые сокровенные вещи: пистолет, остатки от зарплаты (мои попытки экономии всегда заканчивались бездарно), секретное предписание и другие мелочи, имеющие для меня весомую значимость. Не дай бог, если кто-нибудь увидит эти ценности! У грозного оперативника в сейфе некие дамские секретки на самый экстренный случай: помада в золоченой упаковке (а я не пользуюсь косметикой принципиально), лак для ногтей, тушь для ресниц, ну и другие, точно такие же «ценности».

Единственная мысль не давала мне долго уснуть, но я так и не смогла разобраться с ней и мирно уснула. Мир тесен для людей, они всегда воюют, отвоеывая себе пространство, прогрызая друг у друга глотки, но почему к ним примкнули мертвые? Мертвые тоже сталкиваются в этом мире, толкаются и дерутся, как принято у живых, видимо, им стало тесно в скорбном обиталище. Почему записка, найденная на трупе Сухинина, оказалась путеводной ниточкой к Клавдии Николаевой и Олегу Телегину? При жизни не могли договориться друг с другом и теперь встречаются у меня. Трупы зациклились на мне, а почему они выбрали именно меня? Незаметно я задремала. Ровно в семь вскочила как угорелая. День предстоял трудный.

Я закончила очередную докладную записку и посмотрела на часы. Скоро двенадцать, а господа предприниматели обещали прийти в первой половине дня. Юрий Григорьевич благополучно и своевременно отбыл в дальний регион, забрав с собой Виктора Владимировича. Всегда так. Оставили меня одну, бросили на произвол судьбы. Я распечатала доклад и положила на край стола, чуточку посидела и полюбовалась на результат непосильного труда, потом выровняла бумажные края, постучав по ним лакированным ногтем. Люблю порядок в делах. В этот момент в кабинет вошел важный господин, настороженно оглядываясь, за ним прошли еще двое. Они молча склонились в полупоклоне, изображая дружеское приветствие. Все трое улыбались резиновыми полуулыбками. Я никогда их раньше не видела, но ментально определила, что низенький, слегка ссохшийся человечек – Шацман Григорий Исакович, высокий стройный красавец, накаченный, мускулистый, с бритой головой – Шерегес Александр Иванович, среднего роста, с пышной шевелюрой, стройный и подвижный – Шерстобитов Дмитрий Николаевич. Они улыбались так, словно мы были знакомы лет двадцать и вообще никогда не расставались со студенческой скамьи. Скамья Шацмана, правда, скрипела под ним в годы моего младенческого детства. По кабинету распро-

странился запах дорогой одежды и другой, неизвестной мне жизни. Эта жизнь отличалась от моей, суровой и сложной, она была просто другой, наполненной запахом наживы, больших денег, кредитов и, разумеется, заказных убийств. От господ исходил авантюрный аромат опасности, тревожащей мое чувственное воображение. Я прикрыла глаза и командовала себе: «Пустые мысли вон! Работа и ордунг!» Ауто-тренинг сработал. Я приветливо улыбнулась железной улыбкой и сказала: «Думала, что позвоните снизу, я бы за вами сотрудника прислала (наглая ложь, никого я присылать не собиралась)». Я смотрела на визитеров и думала, что у нас разные улыбки. У них резиновые, у меня железная. На этом свете все улыбаются по-разному. Гости выражали дружелюбие в одной манере, все трое улыбались одинаково.

– Мы у вашего генерала задержались, – сухо ответил Шацман. – Подъехали к десяти. Скоро полдень. Нам пора в офис. У нас назначены встречи, – говорил он резко и отрывисто, словно лаял, но лаял вполне вежливо и бесстрастно, как дорогая и породистая собака.

– Вот оно как, – пробормотала я, срочно проводя мысленную передислокацию (господа ходили к генералу за моральной поддержкой, надо учесть при разговоре), – присаживайтесь. Я вас долго не задержу.

– Мы спешим, – брезгливо оглядывая стулья и стол Юрия Григорьевича, сохранившиеся с незапамятных времен, присоединился к беседе Шерстобитов. Он все-таки выбрал са-

мый подходящий стул и робко присел на самый краешек.

– Я понимаю вас, – я покачала головой, выражая искреннее сочувствие, и уставилась на Шацмана и Шерегеса. Оба стояли посередине кабинета, напряженные, скрученные в тугие пружины, готовые в любой миг сорваться и пулей выскочить из ненавистного помещения. Чем оно не понравилось, не знаю. Лично мне в нем очень уютно, стабильно и комфортно. Мой кабинет – монолит, на котором зиждется основная идея борьбы с преступностью. Здесь есть все: карта, сейф, пистолет в сейфе, стол, стулья, даже компьютер, и все подчинено одной цели – во что бы то ни стало найти преступника. И непременно обезвредить его!

– Присядьте, пожалуйста, прошу вас, не беспокойтесь, разговор у нас будет недолгим. – Я понимала, что Шацман и Шерегес выражают протест, изображая бурю в пустыне, дескать, какая-то женщина отнимает драгоценное время, а ему, как известно, цены нет. Время – бесценно! Драгоценное время текло, чуть слышно отстукивая маятником в настенных часах, фонируя негромким завываньем зуммеров розоватых лампочек на карте и шелестом докладной записки, края которой я нервно трепала. Струи времени касались не только моих ушей, но и ушей упрямых мужчин, пока до них не дошло, что я собираюсь их перемолчать. Они стоят, а я молчу, им все равно придется заговорить первыми. Когда эта простая мысль посетила их гениальные головы, они присели на стулья рядом с Шерстобитовым. Так же, как он,

робко и на краешки стульев. Дмитрий Николаевич радостно осклабился, дескать, давно бы так, а то выделяетесь, фансон держите.

– В Тихвине убит Григорий Сухинин, через полгода в Питере таким же способом – Олег Телегин. Сухинин работал у вас водителем, Телегин – начальником службы безопасности. Оба из одной службы корпорации по безопасности. Если у вас имеются какие-либо объяснения, я слушаю, если нет, вы – свободны! – Я резко двинула докладной запиской по столу, и листы рассыпались. Черт, какую комбинацию испортила, теперь надо собирать бумагу, нагибаясь, чуть ли не ползая по полу. Я чуть не расплакалась от обиды. Всегда черт сует палку под ноги в самый неподходящий момент. А вдруг это палочка-выручалочка? Шерстобитов бросился на помощь, услужливо собрал страницы шедевра служебной документалистики. Он проделал все молча, почти не дыша, и положил бумаги на стол. Все безупречно вежливо и интеллигентно. Не придраться.

– Это вы должны объяснить, почему плохо работаете? – Григорий Исакович нервно хрустнул пальцами. Кисти рук перемещались в ломаных экзерсисах, пальцы гнулись, словно это были не пальцы, а тонкие раскрученные пружинки. – наших работников убивают, а мы должны вам что-то объяснять.

– А почему вы решили, что Сухинина убили? На него совершили наезд. – Шерстобитов вопросительно посмотрел на

меня, дескать, говори, девушка, да не заговаривайся. – В том месте трасса проходит, все машины мчатся на бешеной скорости, пост ГАИ далеко. Я был на месте происшествия, – пояснил он, – вместе с Олегом Телегиным. Нам позвонили, мы выехали в Тихвин. Гриша был хорошим работником. Сотрудники дорожной инспекции сказали, что это наезд, а преступник не установлен. Кстати, в Тихвине все говорили, что наезд совершил сын директора автобазы.

– Так-то оно так, но уголовное дело испрошено для проверки, и есть мнение, что Сухинин был подброшен на трассу уже мертвым. Там ведь не было свидетелей, как таковых, маленький городок, никто ничего не видел, но кто-то что-то слышал. Я всех допросила, нашла новых свидетелей и выяснила, что никого на месте происшествия в момент наезда не было. Слух о версии с сыном директора автобазы кем-то подброшен в толпу для разнообразия, вот, пожалуй, и все.

Я отложила докладную подальше от себя, чтобы случайно не рассыпать листы. Мои руки спокойно лежали на столе. Я оглядывала тройку нуворишей, неожиданно взлетевших на самые вершины российского бизнеса. Держались они по-разному. Шацман играл пальцами, Шерегес молча рассматривал меня, не понимая, что вообще он здесь делает, ведь его ждут великие дела, Шерстобитов вежливо и непринужденно улыбался. Пожалуй, он один вел себя достойно, не презирал меня за нищенскую обстановку кабинета и роль мытаря, не спешил и не поглядывал на часы в золотом браслете. Кстати,

часы у троицы самого высокого класса. Жаль, что я так и не смогла разглядеть марки. Да и черт с ними, с этими часами!

– Ну, это ваше дело разбираться, кто совершил наезд. – Шацман шумно вздохнул и сделал попытку подняться со стула.

– Сухинин – простой водитель, мы даже не знали, откуда он, где и с кем проживает, Телегин – жил замкнуто, не распространялся о себе, о нем мало что известно. К тому же, у нас уже побывали работники прокуратуры с обыском, – Дмитрий Николаевич терпеливо разъяснял мне, кто есть кто на этом свете.

– Да? И что они нашли? – оживилась я.

Работники прокуратуры оказались самые резвые, опередив не только убойный отдел во главе с Королевым, но и меня, шустрюю и вездесущую.

– Ничего. Забрали список работников корпорации из отдела кадров. Вот и все, этим и ограничились. – Дмитрий Николаевич излучал обаяние, всячески подчеркивая собственную лояльность, он словно пытался подставить мне плечо. Странно, но этот человек почему-то хотел поддержать меня в трудном деле.

– Нам больше нечего сказать по этому вопросу. – Шацман первым поднялся со стула. Шерегес проворно вскочил, обратив свои взоры на старшего товарища, правильно ли он поступает. Шацман мельком взглянул на младшего, ободряя взглядом, все правильно, так держать. Шерстобитов не ше-

лохнулся в ожидании моего напутствия. Я сжала пальцами карандаш, казалось, еще миг, и он хрупнет от напряжения, мои пальцы разрежут его пополам, как бритвой. Мое наигранное спокойствие куда-то улетучилось. Почему-то вспомнилась сцена из «Шерлока Холмса», где Никита Михалков гневно спрашивает: «За кого меня принимают в этой гостинице? За дурачка? За дурачка...» И самому себе отвечает, как бы констатируя факт. А у нас немая сцена: двое стоят, двое сидят. Все словно отупели от вселенского непонимания. Трое мужчин никак не могут понять, что я хочу понять. Сцена стара, как мир. Женщина сидит, поджав губы, и чуть не плачет.

– Мне нужна копия списка из отдела кадров, – неожиданно ровным голосом произнесла я. – Я пришлю к вам сотрудника нашего управления. Предварительно вам позвонят. Вы – свободны!

– Всего хорошего, – все трое колыхнулись и поплыли к выходу.

Шерстобитов потерял былое обаяние и как-то уж зашпешил, сильно опережая партнеров. Шли они спокойно, так идут ко дну корабля, медленно и тихо, но не теряя достоинства.

– Творческих успехов в деле строительства капитализма, – я все-таки не удержалась от напутствия. Торжественный заключительный акт. Победно звучит последнее слово. Надо было настоять на приеме в офисе корпорации. И что

изменилось бы? Один бог знает.

В сложных ситуациях я приучила себя перестраиваться на другой лад, как музыкальный инструмент. Настроил струну или клавишу – инструмент заиграл по-другому. Если ничего не получается, натяни другую струну, а оборванную выбрось, не жалей, другие найдутся. Не получилась встреча с господами, ничего страшного. Надо поговорить с подружкой Клавдии Николаевой, она явно делилась секретами с подружкой. И если подружка не рассказала ни одной тайны оперативникам, значит, ситуация требует моего вмешательства. Можно сыграть на женской солидарности. У подружки есть имя. Людмила Борисовна Коровкина. И работает Коровкина товароведом на «Русских самоцветах». Хорошая профессия. Лучше не придумаешь. Не то, что у меня. Ну и выбрала я себе работенку, посвятив жизнь копанию в человеческих душах. Хотя производство расследований не входит в мои служебные обязанности, по должности я обязана анализировать состояние оперативной обстановки изо дня в день до полной остановки сердца. Юрий Григорьевич сделал доброе дело – взял и направил мою энергию в нужное русло. Кстати, правильно сделал. Честь ему и хвала за это. Редко у кого из начальников бывает чутье на способности сотрудников. А у полковника оно есть. Он видит скрытый потенциал в каждом сотруднике и заставляет работать. И сотрудника, и его потенциал одновременно. Я одернула себя. Только не сдаваться! Работать до полного истощения. Это единственный

шанс выбиться в люди. Размазать бы Королева раскрытием преступления! В этом месте я вздрогнула. Что-то слишком зарвалась в мечтах. Высоко взлетела, как бы падать не пришлось. Добрее нужно быть, добрее.

Я решила не звонить Коровкиной. Ведь только перепугаю женщину. Она разволнуется, перенервничает. Лучше нагрязну-ка я неожиданно. Я ведь и за скорую помощь сойду. Если давление поднимется – опущу. Сердце разболится – вылечу. Нет, внезапность – самый лучший метод. Мы посидим с Коровкиной и потолкуем. Никто нам не сможет помешать. Поеду вечером. Сейчас надо отыскать Славу Резника и озадачить его поручением. Слава Резник не только уникальная личность, он еще и хороший товарищ, отличный сотрудник и классный оперативник. Наконец, просто красивый парень!

Когда-то я предложила Резнику создать программу по другому принципу, нежели те, которыми мы пользовались. Долго ему втолковывала, зачем мне нужна новая программа, пока Слава не принес первую распечатку. В Славиной программе номера телефонов, адреса, фамилии, имена, клички, словечки из преступного жаргона перемешались в солянку, и машина выдала уникальный результат. Через пять минут с зависаниями она грубо выплевывала небольшую объективку на любую интересующую нас фамилию или адрес. Резник вбивал в программу все, что прочитывал и изучал в течение недели. Его стол был завален газетами и журналами, Слава перелистывал глянцевые страницы, выискивая интересную

информацию, трудясь в гордом одиночестве, и он был уверен, что его интеллектуальный труд требует вдумчивости и сосредоточенности.

Я встретила его в столовой. Слава стоял в глубоком раздумье у стойки бара и разглядывал содержимое буфета. Содержимое не радовало выбором. Резник уныло водил очками по полупустым полкам, видимо, считая, что все самое вкусное уже съели или он проглядел.

– Резник, именно вы мне нужны! – я переключила его внимание с тарелок на меня.

Слава – интеллигентный молодой мужчина. Окончил два высших учебных заведения. И бесчисленное количество разных курсов. Мне неловко обращаться к нему на «ты».

– Слушаю вас, Гюзель Аркадьевна, – он обрадовался и забыл про обед.

– Давайте по кофейку выпьем, я угощаю, – я вытащила огромный кошелек, больше похожий на портмоне или рюкзачок. Кошелек настолько пузат и толст, что служит мне косметичкой, которую я обычно таскаю с собой на «всякий пожарный случай». Деньгами в нем не пахнет, зато он благоухает парфюмерией и духами.

– Нет, что вы, Гюзель Аркадьевна, это я вас угощаю, – Резник галантен, как никогда. Он вежливо кивает буфетчице, и мы получаем по две огромных чашки черного кофе.

Я знаю, что мне и моим друзьям буфетчица не жалеет живительных зерен и сыплет кофе по самую макушку. Кофе по-

лучается крепким и вкусным. Коллеги завистливо косятся на нас, не все устаиваются особых привилегий. Буфетчица питает ко мне особые симпатии: жарит котлетки, яичницу, чтобы я, не дай бог, не испортила желудок казенной пищей. Симпатию буфетчицы, и все сопряженные с этой симпатией привилегии и дары, я принимаю с видом жрицы древнеегипетского храма. Отчего же не принять, коли они сами сыплются.

– Слава, съездите в одну мебельную корпорацию. Нужно взять список работников в отделе кадров. Я уже договори- лась, там все готово к вашему приезду. Почему обращаюсь к вам? У вас есть гениальное качество – вы сумеете отыс- кать в корпорации массу нужных нам документов. Дело ин- тересное, его расследуют убойщики во главе с прокуратурой, а я вписалась потому, что дед потерпевшего накатал жало- бу министру. Теперь дело на контроле у министра, и по ин- струкции наш отдел должен отсмотреть процесс расследова- ния вплоть до его окончания. Слава, вы понимаете, что нуж- но сделать?

– Понимаю, Гюзель Аркадьевна, – Резник отпил глоток кофе. Он не прихлебнул, не причмокнул, и даже не при- свистнул, отпил глоток вполне интеллигентно, не фырча и не отдуваясь, и даже не булькая горлом. Слава Резник полу- чил хорошее домашнее воспитание. «Ему бы в дипломатах служить, а не в городском управлении внутренних дел», – невольно подумала я, глядя на Славины губы, на них не оста-

лось даже пятнышка от черного, как уголь, напитка. – Вы хотите раскрыть преступление и отчитаться перед министром, разумеется, лично. – Резник посмотрел на меня ясными глазами из-под сползших на переносицу очков. Я даже ойкнула, вот вам и хваленая интеллигентность. Теперь я понимаю, почему Слава Резник – не дипломат, а сотрудник органов внутренних дел.

– Слава, все доклады и отчеты далеко впереди. Пока на горизонте ничего не видно. Сплошной туман. – Неожиданно я прикрикнула, чем сильно испугала буфетчицу. Она перегнулась из-за стойки, рассматривая нас с Резником. Женщине стало интересно, что это сотрудники ругаются за чашкой кофе, словно молодожены после медового месяца. – Любое преступление должно быть раскрыто, – спокойно продолжила я, с улыбкой кивнув буфетчице. У нас все в порядке. Женщина порадовалась нашему с Резником мирному сосуществованию и исчезла за стойкой бара. – А кто раскроет, тому и хвала будет. Резник, вы поедете в корпорацию? – Я резко отодвинула пустую чашку. Кофе выпит, было вкусно, пора приниматься за дело.

– Когда ехать? – Резник поправил сползшие очки и вскочил из-за стола. Как всегда подтянут, как всегда готов к труду и обороне. «Нет, пожалуй, ему не служить в министерстве иностранных дел, он наш, до мозга костей! – я невольно загляделась на Резника. – Побольше бы таких сотрудников. С таким и в разведку пойти не страшно».

– Как это когда? – вслух переспросила я. – Сейчас! К вечеру жду с информацией.

Минут сорок я томила в электричке метрополитена. Душный, прогорклый воздух проник в легкие и сморил меня. Я задремала, поэтому так и не додумала основную, тревожащую меня мысль: почему преуспевающие женщины живут на Ленинском проспекте? Отчего бы им, красивым и благополучным, не селиться ближе к нашему управлению, так всем спокойнее, и нам, сотрудникам, удобнее. Жили бы мы рядом, и виделись чаще, может быть, и неприятностей случилось бы меньше, ведь рукой же подать.

Когда передо мной вырос роскошный дом по другую сторону от универсама «Аякс», я мгновенно изменила точку зрения. Пусть, пусть все преуспевающие женщины живут в таких домах, здесь, наверное, не протекает крыша, не заливают горячей водой подвалы, не бегают взбесившиеся крысы, не гаснет в самое неподходящее время электрическое освещение. Здесь люди не дерутся, не убивают друг друга, не скандалят, а живут и благоденствуют, как в «Городе Солнца». Фантастический рай, сказка, островок благополучия в разрушающемся городе. Красивым и преуспевающим сам бог назначил место проживания. Фата Моргана! Я помучила кнопку домофона, но он упрямо безмолвствовал. Неожиданно дверь подъезда отворилась, и на улицу выбежал мальчик с догом, бережно обогнув собаку-гору, я шустро шмыг-

нула в открытую дверь. Лифт бесшумно пролетел несколько этажей, я вышла на восьмом. Лестничная площадка сверкала чистотой и опрятностью. Кругом все сияет. Порядок, чистота и благонравность. Приятно выйти на восьмом этаже многонаселенного дома и полюбоваться пышными растениями, чувствуешь себя, как в оранжерее. Я присела на корточки и приготовилась ждать, предварительно посмотрев на часы. Интересно, вовремя придет сегодня Людмила Борисовна или припозднится? Дверцы лифта бесшумно открылись, и на площадку ступила высокая нога в длинном ботфорте, затем появился второй ботфорт, вслед за ним блеснул яркий голубой плащ, сияющий перламутром, и за ним образовалась буйная грива пышных волос. Лицо незнакомки закрывали волосы и грим, сначала я даже не смогла разглядеть толком Людмилу Борисовну. Ее фотография валялась в моей сумочке. В метро я долго изучала симпатичную внешность, надеясь, что теперь-то узнаю ее из тысячи случайных лиц, но нет, эту Людмилу Борисовну никогда бы не опознала, слишком ярок был плащ, высоки ботфорты и пышны кудри.

– Людмила Борисовна? – я поднялась с корточек. Ноги предательски затекли, и при подъеме громко хрустнули суставы в обеих коленках. Я покраснела, слишком громко хрустнуло, как-то яростно.

– Что вам угодно? – надменно откликнулся перламутровый плащ.

Мне показалось, что разговаривает со мной плащ, как су-

щество одушевленное. Женщины нет. Есть плащ, ботфорты и грива пышных волос.

– Я подполковник Юмашева. Мне надо с вами побеседовать. Вот мои документы, – я развернула удостоверение и поднесла к глазам Людмилы Борисовны.

Она даже не удосужилась посмотреть, небрежно отмахнувшись от меня и удостоверения. Ровно пять минут на площадке стоял дикий крик.

– Я найду на вас управу! Я на вас жалобу напишу! Я в суд подам! Я собаку натравлю! Я адвокату позвоню! Я бандитов найму! Я в прокуратуру пойду! Да, да, я пойду в прокуратуру. Там будем разбираться, – особенно ей понравилась идея с прокуратурой. Если вначале Коровкина визжала, как резаная, то в конце монолога твердила, как заговоренная: «Будем разбираться в прокуратуре!» Пришлось ждать, пока она замолчит. Когда сталкиваешься с визжащей женщиной, надо молча смотреть на нее и ждать, ждать, ждать, пока она не выдохнется. Ни в коем случае не прерывайте, не успокаивайте – все бесполезно. Устанет, проорется, сама замолчит. Даже вопросы начнет задавать. Я многозначительно молчала, внимательно рассматривая внешний облик подружки убиенной Николаевой. Ботфорты – вещь шикарная. Высокие, почти до пояса, они делали фигуру Людмилы Борисовны тонкой и длинной, словно вся она состояла из одних лишь ног. В действительности же Коровкина представляла собой обычную женщину, среднего роста, плотненькая, про

таких говорят – крепко сбитаая, но плащ и ботфорты сделали ее фотомodelью средних лет, длинноногой и длинной, худой и стройной. Вот какие чудеса вытворяют необычные вещи с обычными людьми. Коровкина замолчала, не зная, что ей делать – молчать дальше или все-таки открыть дверь. Ключи нервно брнчали на тонкой цепочке, и Коровкина то заматывала цепочкой тонкую руку, то широко размахивала, описывая круг тяжелой связкой. Когда связка ключей описала круг у моего лица, я спросила:

– Может, поговорим?

– О чем? – устало отозвалась Коровкина. Возраст тяжелыми складками лег на ее лицо. Усталость, накопившаяся за день, вылезла из-под макияжа, резко обозначив носогубные морщины, височные, лобные. Веки набрякли, глаза налились влажностью, и по щеке покатилаь слеза. Один глаз сочился влагой, второй сухо рассматривал меня. В первый раз вижу, чтобы у женщины плакал один глаз, а второй нагло глядел, как ни в чем не бывало. Какая она страшная стала! Один глаз – женский – плачет, а второй – бандитский – беззастенчиво и внимательно изучает мое лицо. Времена настали! Женщины стали двойственны в своем естестве. Результат феминизации налицо.

– О вашей подруге – Клавдии Николаевой. Я понимаю, – я легонько тронула ее за рукав перламутрового плаща, но моя рука соскользнула с прорезиненной ткани, – вам надоели расспросы. Но человека убили, и этот человек был вам

близок. Надо пожалеть ее.

– Лучше пожалейте ее память. У вас нет никакой жалости, не прикидывайтесь. – Коровкина отвернулась от меня и начала возиться с замком. Я почувствовала облегчение, дождалась, дверь передо мной все-таки распахнется, и подумала, и впрямь, жаль мне Николаеву или нет? Может быть, я прикидываюсь и просто хочу выслужиться? Или хочу заработать премию, или авторитет, как у Юрия Григорьевича и Виктора Владимировича, и одновременно у генерала, которого я никогда не вижу, а только выполняю его приказы? Нет, покойную Клавдию Михайловну мне искренне жаль. Как жаль все потерпевших. Жил-жил человек, в данном случае жила себе красивая женщина, обеспеченная, не последняя в этом городе, и вдруг жизнь оборвалась. Она убита, зверски убита, располосована ножом на две части, как свинья на скотобойне.

– Я всех женщин жалею, себя, вас, Клавдию, – проворчала я, входя следом за Коровкиной в уютную прихожую. Прихожая напоминала грот с журчащей водой. Диковинные растения свисали чуть ли не с потолка, освещенные подсветкой, на стенах развешаны фантастические картинки. Коровкина раздвинула картины, и моему взору открылся шкаф с длинным и тучным рядом разнообразной одежды. Тут, наверное, только рыцарских доспехов не было. Кажется, Коровкина запаслась нарядами на все маскарадные случаи. Чего тут только нет! Длинные манто, шифоновые декольтированные пла-

тья с пышными юбками, шубы, костюмы, кардиганы, пиджаки, блузоны и брюки. Впрочем, джинсов я не заметила, дамочка явно не любит рядиться в массовую одежду, работает под индивидуальность.

У каждого своя шизофрения. Все сходят с ума по-своему. Кому что. Кто-то пьет, кто-то курит, кто-то любовниками балуется, а эта увлеклась маскарадами. Каждый день выходит из дома, облаченная в новый образ, как бы укутанная в таинственный мех. В Петербурге такие дамочки не редкость. С этими мыслями я прошла на кухню, где Людмила Борисовна открыв дверь холодильника, раздумывала, чем могут поживиться две женщины, измотанные тяжелым трудовым днем. Заглядывать в чужой холодильник неприлично, и я загадала, если у нее холодильник полон, как подвал у Лукулла, значит, это редкий экземпляр женской особи. По моему разумению, у такой дамочки еды в доме вообще не бывает, слишком она роскошна и изящна, чтобы опускаться до кастрюлек. Но холодильник смущал своими габаритами. Пространство кухни, занятое белоснежным монстром, напоминало небольшой полигон. Я сделала вид, что хочу увидеть вечерний Питер из окна шестнадцатипэтажного небоскреба. Прошла мимо созерцающей хозяйство Людмилы Борисовны и ахнула. Холодильник снизу доверху был набит всевозможными продуктами. Чего там только не было! Совсем как в платяном шкафу в коридоре: там маскарад, здесь изобилие. Вот какой должна быть женщина: не только красивой, но и

хозяйственной.

– Людмила Борисовна, я недолго вас отвлеку. Не хлопочите. Присядьте, пожалуйста, – мне захотелось домой, зайти в свою кухню, открыть свой родной холодильник, пусть даже и пустой. Побывать в чужом доме, как заглянуть в тайники незнакомой души. Раскрытая тайна может приятно удивить, но может и напугать.

– Сейчас, – буркнула Коровкина, – на стол накрою.

Старается женщина. Не желает ударить в грязь лицом. Всю сознательную жизнь строила этот карточный домик, желая удивить весь мир. Но «весь мир» в моем лице не удивлялся. Не хочет удивляться. Сопrotивляется. И это нежелание больно ранит коровкинское самолюбие. Плохо быть проницательной.

– Тогда достаньте колбасу, огурцы, батон и рюмки, Людмила Борисовна. Больше ничего не нужно. Я с собой коньяк привезла. Выпьем, посидим, поплачем. Помянем Клавдию Михайловну.

Коровкина с удивлением посмотрела на меня, на минутку отпрянув от шикарного холодильника. Ей хотелось поразить мое воображение шикарным застольем, изысканными деликатесами. А вместо этого гостя предлагает закусить чуть ли не картошкой с селедкой.

– Да, да. Людмила Борисовна, мы не станем тревоугдничать. У нас мало времени, завтра обеим на работу. Давайте самое простое и незатейливое, что-нибудь подходящее для

нашего странного знакомства.

Я сама достала рюмки, открыла бутылку, делая вид, что не замечаю стройного ряда бутылок, выстроившихся на самом виду в стенном буфете. Все-то у нее длинными рядами – одежда, питание, напитки. Наверное, и любовников она выстраивает длинными шеренгами и колоннами. Коровкина расставила тарелки, но не послушалась меня и устроила стол по-своему. Фрукты, овощи, холодная говядина, креветки, соусы и сыр, ломти белого хлеба, вино и сок украсили бы любые поминки.

– Давай помянем Клавдию, – предложила я, незаметно перейдя на «ты». В нашей профессии случаются подобные метаморфозы: только что ругались на лестничной площадке, как две базарные торговки, а через полчаса уже сидят на кухне и распивают коньяк.

– Чокаться нельзя.

– Нельзя. Давайте. – Коровкина сделала вид, что не заметила плавного перехода на братание по женскому образцу. Мы молча выпили и принялись за говядину. Молчание угрожающе затягивалось. Я не выдержала первой.

– Людмила, ты ведь любила Клавдию? Просто как подругу, я не имею в виду всякие гадости, вроде «розовой» любви.

– Очень любила. Очень! У нас ведь никого нет на всем белом свете. Мы с ней две сиротинушки казанские. Ни мужей, ни любовников, ни детей, ни родителей.

– А куда вы всех подевали? – наивно спросила я. И тут же

спохватилась. – У меня тоже никого нет, и я могу перечислять в том же порядке.

– Да долго рассказывать, к делу не относится, – Коровкина небрежно отмахнулась от моего вопроса. Как раз к моему делу все относится: и друзья, и мужья, и дети, и любовники, и, естественно, их отсутствие.

– А ты, расскажи, расскажи, – я лениво покусывала кусочки сыра, – время пока есть.

Если женщина начнет рассказывать о нелегкой судьбе, это означает одно: Гюзель Аркадьевна сделала правильный шахматный ход, навестив Коровкину на дому. Без предупреждения.

– Мы же с Клавой детдомовские, – начала Коровкина свой грустный рассказ. – Когда окончили школу, нас всех направили учиться в профессиональный колледж по целевой программе. Может, слышали про разные программы для детдомовских?

Снова предательски задрожал подбородок. Я крепко обхватила предателя кулаком и заставила себя слушать. Другого человека трудно слушать. Всегда слышишь только себя.

– Нам повезло, два места случайно, как потом выяснилось, спустили из художественного колледжа с ювелирным уклоном, и они достались нам с Клавой. Мы с Клавкой обрадовались, что мы теперь вылезем из нищеты. В колледже учились в основном дети профессиональных ювелиров. Остальные девчонки пошли учиться на маляров, штукату-

ров, бетонщиц и каменщиц. И только мы с Клавой на ювелиров. Нам все завидовали. А мы, конечно же, сразу задрали носики, мы крутые, мы продвинутые. Но продвинутыми мы оказались только для своих, детдомовских, а в колледже были чужими, безродными, никому не нужными.

Мой кулак снова начал дрожать вместе с подбородком, а все из-за коньяка. Пить надо меньше. Я присовокупила второй кулак, изо всех сил сжав подбородок, лишь бы не дрожал.

– Нам пришлось выдирать у этой жизни свое место, ведь мы не жили, не учились, мы отвоевывали наше светлое будущее. За каждый кусочек пространства воевали. Бились за место под солнцем. Учились лучше всех, никогда не опаздывали, учителей слушались, заглядывали им в глаза, постоянно напоминая своим видом, что мы – сироты. А кто сироту обидит, того бог накажет.

Теперь у меня задрожал не только подбородок, но и кулаки, а локти нервно заерзали по столу, подрагивая от волнения.

– После колледжа мы устроились на «Самоцветы», там и работали вплоть до того, пока не поняли, что надо устраиваться как-нибудь по-другому. Понимаешь, мы делали всю черную работу. На нас ездили все кому не лень. Потом получили по комнате, и нам снова казалось, что жизнь уже сделана, есть работа, жилье, внешностью бог не обидел, не красавицы, но и не дурнушки. Но женихи нас стороной обходи-

ли, мол, сироты, без роду без племени, кто на таких жениться? Но мы не тужили, все ждали своего часа. Так и жили, а вскоре Клава ушла на вольные хлеба, захотела свое дело открыть. Торговала на рынках, ночью мастерила безделушки, глаза слепила у муфельной печки, а днем простаивала на толчках, пяточках, у метро, на остановках. Пошли первые деньги. Ты же понимаешь, что такое первые большие деньги?

Я молча кивнула. Многих сгубили первые большие деньги. Это великое испытание для человека.

– Однажды ее отловили на рынке и посадили. Она торговала своими же поделками, смастерила заколки, гребенки, брошки из бросового материала, из пластмассы, и пошла на рынок. Там ее и взяли, с этими брошками и заколками. Пришили статью, и пошла моя Клавка на зону, на целых пять лет. Дали ей по всей строгости, не пожалели, что сирота. Я ходила на суд, хоть и боялась, что на заводе узнают. Там сразу от Клавки отвернулись, мало того, что в предпринимательницы подалась, так еще и в тюрьму угодила. Судья – женщина грузная, дебелая, грубая, все басом разговаривала, и слышать не захотела, что Клавка не виноватая, дескать, здесь я чиню закон. Все в соответствии с уголовным кодексом. Да на меня все посматривала, дескать, смотри, и до тебя доберусь.

Мне стало холодно и жарко одновременно. Представила, каково было Клавдии пред лицом грозной судьи, до зубов вооруженной уголовным кодексом.

– Клава хорошо себя вела в колонии, делала всякие укра-

шения для жены начальника колонии, для сотрудников, для их жен, детей, так и попала в число передовых. Клава – она талант! – восхищенно прошептала Коровкина. – Она из ничего могла сделать такое украшение, жена президента не отказалась бы надеть, не то что жена начальника колонии. Сбавили ей срок, вышла моя Клава через два с половиной года. Выйти-то вышла, а здесь жизнь другая, комнату отобрали соседи, работы нет, знакомых нет, друзья отвернулись.

– А ты? – не утерпела я, вертясь от волнения, как ежик. – Ты же не отвернулась?

– Я-то? Я как была, так и осталась. Клава – мне как родная. Как родная была, – Людмила Борисовна уткнулась в ладони. Она медленно покачала головой, словно прогоняла боль. И тихо продолжила: – Клава у меня жила первые месяцы. Сначала не верила, что на свободе, потом заболела. Прямо напасть какая-то. Я лечила ее народными средствами, травами, в баню водила, водочку подогревала. Горячая водка – она размягчает больную душу. – Коровкина потеряла сухие глаза.

Я слушала и никак не могла сопоставить двух женщин – нахальную Коровкину на лестничной площадке в ботфортах и перламутровом плаще и Коровкину настоящую, с сухими и блестящими глазами, плачущую без слез, обычную русскую бабу, натерпевшуюся в этой жизни всего.

– Неожиданно Клава выздоровела. Как-то прихожу домой, а она пляшет, поет, скачет, меня обнимает, целует. Спрашиваю, что с тобой? Она смеется и молчит. Потом призналась

– новость хорошую узнала, вот и повеселела.

– Какую новость? – насторожилась я, подавшись всем телом вперед, чуть не опрокинув при этом стол.

– Судья, что дала ей срок, кончила плохо. Ее сын стал наркоманом, и не простым, а сбытчиком, продавал наркотики таким же, как он сам. Когда его осудили, не посмотрели, что мать – судья со стажем. Вкатили ему пятнадцать лет, а судья после приговора получила инфаркт, потом инсульт, но осталась жива. Вот Клава и обрадовалась, говорит, бог ее наказал, пусть помучается на этом свете, как я мучилась. После этого известия дело пошло на поправку. Клава выправилась, похорошела, покрасивела, забыла наконец-то о своей беде. Начала помаленьку мастерить свои поделки, материал покупала на рынках, деньги у меня брала, но обещала вернуть.

– Вернула? Не забыла? – опять вылезла я с вопросами.

– Вернула, все с лихвой вернула. Все это, – Коровкина обвела рукой вокруг, – благодаря Клавдии. Она меня в люди вывела. Она же умница, все придумает, как сделать, как продать, как организовать. Организовала фирму, небольшую, потом укрупнилась. К ней стали липнуть бандиты, сначала она боролась, потом сдалась, но не до конца. Однажды не выдержала и бросила свою фирму. Бросила свой кусок бандитам, как кость собаке. Ей предложили место на «Российских рубинах» организатором выставок, и она решила, что ей легче добиться успеха на большом предприятии, чем воевать на маленьком участке. И меня пристроила на высокую

должность. Без Клавы меня бы не повысили на работе. Все благодаря ее хлопотам.

– А ты знаешь этих бандитов? – я отодвинула стул и положила ногу на ногу. Так легче контролировать «бесконтрольные» эмоции. Подбородок больше не дрожал, руки спокойно лежали на коленях.

– Да знаю я их, – прошипела Коровкина, – век бы не знать.

– С этого места поподробнее, Люда, – я закурила и, немного подумав, разлила оставшийся коньяк в рюмки. Неплохо бы кофейку выпить, но не хочется прерывать рассказ на самом интересном месте.

– Гюзель Аркадьевна, можно я вам завтра все расскажу? Вы так неожиданно заявились, разговорили меня, в душу залезли, честно говоря, мне даже не по себе. Плохо мне. Я подумаю, поразмышляю, сложу в одну коробочку, а завтра все расскажу. Только вам, больше никому не доверю Клавины дела. Вам верю! Ко мне приходили всякие, но я всех отшила.

– А бандиты приходили?

– И они были, все побывали у меня. Клава им покоя не дает. Завтра, все завтра, – замахала руками Коровкина, – кофе попьем?

– Попьем! – обрадовалась я. – А ты ничего не скроешь от меня?

– Все расскажу, все, я верю, что вы найдете убийцу. Ой, я не могу... – и Коровкина разрыдалась. Она как-то расплзлась от слез, растеклась вся, размазывала черные поло-

сы по лицу, вытирала глаза шелковым шейным шарфиком. Неожиданная метаморфоза повергла меня в ступор. Разве возможно столь молниеносное перевоплощение? Она держалась, как натянутая струна, пока говорила. А замолчала – и сразу поплыла. Кажется, волнение достигло предела, сейчас может случиться истерика.

А вот что творится со мной? Коньяк предательски расползся по всему телу, язык выделял замысловатые кренделя. Да что там язык, все тело дрожало волнующей зыбью, ноги стали ватными и непослушными, мысли путались. Мне показалось, еще немного, и со мной случится обморок. Только этого не хватало!

– А где ты ее похоронила? – спросила я, стараясь держаться стойким оловянным солдатиком.

– Собираюсь на Серафимовском, – Людмила Борисовна вытаращила на меня глаза, ведь Клавдия еще не похоронена. – Клава еще в морге, мне не разрешают ее хоронить.

Я специально огорошила ее этим вопросом, чтобы отвлечь от слез и истерики, одновременно изо всех сил пытаюсь овладеть своим сознанием.

– Я похлопочу, чтобы тебе быстрее выдали разрешение. Завтра приедешь ко мне в управление, там все и решим, договорились? – я погладила Людмилу Борисовну по плечу. Плечо обмякло, и я отдернула руку, боясь возвращения истерики.

– Может, у меня переночуете, Гюзель Аркадьевна? – Ко-

ровкина подняла зареванные глаза. – Далеко ехать?

– В центр, ничего доберусь как-нибудь. Не люблю уходить на работу не из дома. Я же на работу, как на войну иду, а квартира у меня окоп, блиндаж, траншея. Из этой траншеи нужно выйти полной сил и энергии, чтобы излучать красоту и обаяние. Если у тебя переночую, такого эффекта не будет. Завтра увидимся, поговорим, только, чур, без слез. У меня начальник строгий, страсть, как не любит женские слезы. Сразу кричит, ругается и выгоняет из кабинета. На дух не переносит нашу драгоценную жидкость.

Стоя в прихожей, излучающей мерцание подсветок из аквариумов, я спросила, еле справляясь с внезапно наступившим опьянением.

– Люда, а Клавины родители умерли? Или лишены родительских прав?

– Теперь уже умерли. В детдом ее сдали, а потом умерли. Они какие-то ненормальные были, то ли болели чем-то, то ли сумасшедшие. Клава не любила их, старалась не вспоминать лишний раз.

У меня не повернулся язык спросить Коровкину о ее родителях. Какое мне дело? Захочет, сама расскажет, может, не хочет беречь рану. Такие раны долго не заживают, иногда за целую жизнь даже пленкой не затянутся.

– До завтра, Люда. Спасибо за гостеприимство, за приют, за угощение. Очень вкусно, сытно, уютно, тепло и душевно. Завтра встретимся!

Мы обнялись на прощание, и обе почувствовали, как нам не хочется расставаться, но я отпрянула от нее и сухо простилась. Съехала на сверхскоростном лифте на первый этаж и вышла на Ленинский проспект. Долго и безуспешно махала рукой, останавливая мчавшиеся мимо такси, пока меня не пожалел какой-то сердобольный частник и не подбросил до метро. Денег не взял, чему я очень обрадовалась. Ночью проснулась и долго ворочалась на постели, потом, не выдержав мучений, включила свет. Долго пыталась прочитать неведомые знаки на потолке, пока не поняла, что это отблески люстры. С трудом прочитала одну строчку из пошлого детектива, валявшегося на тумбочке, и, наконец, прекратила всякие попытки цивилизованно пережить бессонницу, окончательно смирившись со своим положением. Надо тихо лежать. Ни о чем не думать. По крайней мере, не думать, что у меня бессонница. Аутотренинг не помог. Я перевела мысли в русло работы и мгновенно забыла, что мучаюсь бессонницей. Вспомнила, что разговорила Коровкину, даже «залезла к ней в душу», кажется, именно так она сказала. Я не довела дело до логического конца. Ничего. Надо подождать до завтра. Осталось недолго. Я раскрою эту тайну. И сразу же поеду в Тихвин к моему деду, чтобы сообщить ему радостную новость. Иннокентий Игнатьевич обрадуется. Людмила Борисовна, наверное, ворочается в своей кровати и тоже не спит, вспоминая все унижения, через которые она прошла. Странно устроена жизнь. Внешне привлекательная женщи-

на, шикарная и преуспевающая, при внимательном рассмотрении превратилась в жалкую и несчастную. Нет, не жалкую, не несчастную, скорее, уязвимую. Детдомовский ребенок, прошедший все мытарства жизни, умудряется вскочить в роскошную ладью, но ладья неожиданно опрокидывается.

Мне удалось задремать. В полудреме пригрезилась широкая лодка, плывущая по бурной реке. На корме сидели Коровкина и незнакомая женщина. «Это Николаева Клавдия, подруга Коровкиной, – подумала я во сне, – почему они сидят вместе? Ах, они же подруги, вот и сидят в одной лодке». И вдруг река повернула в другую сторону. Вместо Коровкиной и Николаевой в уютной лодчонке плыли две маленькие девочки. Они тонули. Я бросилась их спасать, но почувствовала, что не могу добежать до реки, ноги стали какими-то беспомощными, непослушными. От ужаса, что девочки могут утонуть, а я не смогу им помочь, я закричала и проснулась. «Черт, совсем нервы расшатались. Сны дурацкие замучили, надо какое-нибудь лекарство купить, что ли. В отпуск пора, я три года уже без отпуска», – проворчала вслух и продефилировала на кухню, босиком, в шортах и майке. Включила свет и уселась в кресло с ногами, пытаюсь мысленно двигать часовой стрелкой, чтобы ускорить ход, но стрелка непослушно шла своим отработанным веками путем, тик-тик-тик. Часы показывали без двадцати шесть.

Людмила Борисовна не передумает. Не струсит. Эта женщина если что сказала, то и сделает. Такие крепко держат

слово. Они стальные, эти женщины. А маскарады, шарфики, ботфорты, плащи и прочая мишура всего лишь защитная маска от внешнего мира. Им так легче скрыться от посторонних глаз.

Я не выдержала. Лучше поеду на работу! Ничего страшного, если сегодня приеду пораньше. Докладную доделаю, нервы в порядок приведу. Все лучше, чем тупо глядеть на часы. Через сорок минут я уже сидела в своем кабинете, уставившись в монитор. «Анализ оперативной обстановки показывает, что увеличился процент тяжких и особо тяжких преступлений...» Господи, опять процент увеличился. Иногда мне кажется, если я перестану спать и есть, никогда не поеду в отпуск, он все равно будет увеличиваться с астрономической скоростью. Что бы сделать такое, чтобы процент снизился?

– Гюзель Аркадьевна, вы сегодня раньше меня явились?

Юрий Григорьевич как всегда неожиданно возник перед моим столом. Почему я никогда не слышу его стремительных шагов, стука дверей, лязганья ключей?

– Выслуживаюсь, – буркнула я, прячась за монитором.

Мне не хотелось демонстрировать истерзанное бессонницей лицо.

– Что это вы прячетесь? Будьте любезны, доложите результаты вашей деятельности.

Юрий Григорьевич настроен решительно. Если требует доклада о проделанной работе, значит, у него появились цен-

ные идеи, советы, если хотите, рекомендации. Докладывать нужно коротко, ясно, но доходчиво. Юрий Григорьевич – благодарный слушатель, он все понимает с полуслова, быстро реагирует, мгновенно оценивает обстановку. Если меня заносит в сторону философии, немедленно рычит: «Отставить лирику!»

Я уселась напротив Юрия Григорьевича и только открыла рот, чтобы начать свой рассказ, как оглушительный треск всех телефонных аппаратов зазвенел в кабинете с громкостью, превышающей все допустимые децибелы. Полковник схватил трубки разом, две прижал к ушам, еще две снял с аппаратов и положил на стол, одновременно нажимая на кнопки мобильного.

– Где? На Ленинском? – это он в одну крикнул – и сразу во вторую. – Слушаюсь! Бегу!

Побросал все трубки в аппараты, выскочил как угорелый из-за стола и бросился к двери, на бегу оглушая меня громкими командами.

– Гюзель Аркадьевна! НА Ленинском мокруха. Поедете вместо меня. Я на совещание к генералу. Там из МВД бригада прибыла с проверкой. Отзвонитесь с места происшествия.

Дверь звонко хлопнула, стены затряслись, и уже из коридора донеслось: «Машина внизу!»

Я растерялась. Я обязана выполнить приказ руководителя. Начальника послушаться нельзя. Но ведь скоро придет Коровкина с важной информацией, мы договорились, она же

обидится, если меня не будет, уедет, передумает, раздумает, недодумает, и я останусь с носом. Человек закроется в свою раковину, попробуй, поговори с ней в следующий раз. Нет, следующего раза уже не будет. Надо же – подфартило и тут же отвернулось. Что же делать? Да. Надо ехать. На месте происшествия никого нет. Приказ есть приказ! Если не выполнит приказ один сотрудник, потом второй, получится не серьезное ведомство, а шарашка. Я замотала шею шарфиком – неожиданная оттепель продолжалась, навевая мысли о будущей весне и новых надеждах, и вприпрыжку побежала выполнять приказ начальника. Уже в машине я спросила водителя: «А какой дом на Ленинском?»

– Номер не помню, знаю, что на пересечении Ленинского и Жуков вроде как, – водитель вытащил рацию и начал орать в трубку. – Вань, какой дом на Ленинском?

Он еще долго кричал, но я уже знала, что это дом напротив универсама «Аякс», огромный, новый небоскреб в шестнадцать этажей. В Петербурге даже пять этажей – уже небоскреб, с нашим-то климатом и подземными водами. Я даже знала номер квартиры, и на лестничной площадке цветут пышным цветом олеандры и рододендроны, а, может быть, простая герань. Я абсолютно не разбираюсь в ботанике. Я тупо уставилась в смотровое стекло и, покачивая головой, что-то мычала. Сердобольный водитель вежливо поинтересовался: «У вас зубы болят, Гюзель Аркадьевна?»

– А-а, что? Нет, не болят, – я перестала раскачиваться и

крепко сжала кулаки. Опять потеряла контроль над эмоциями, нельзя давать волю чувствам. Особенно при исполнении служебных обязанностей. Сейчас спокойно войду в квартиру и посмотрю, что там произошло. Переживать и страдать буду позже, и без свидетелей.

В квартире потерпевшей присутствовали все, кого собрал ранним утром дежурный по городу. Эксперты, судебные медики, следователи прокуратуры – все специалисты в двойном экземпляре, словно раздвоились с утра пораньше. Королев молча курил в одиночестве. Он был уникален по обыкновению. Неожиданно я почувствовала к Королеву какую-то изъедающую душу нежность. Хорошо, что Королев сегодня дежурит. Снова мне повезло. Я просто везунчик. Удача сопутствует мне. С утра. Королеву можно объяснить, откуда взялись здесь мои отпечатки пальцев, запах моих духов и все такое прочее. Про запах духов я, конечно же, загнула. А вот отпечатки эксперт снимает как раз с той рюмки, которую я держала в руках.

– Королев, можно тебя на минутку?

Королев, нехотя отлепившись от стены, медленно подошел ко мне. Он смотрел мне куда-то между бровей, словно один знал, кто здесь гостевал вчерашним вечером. «Вот это интуиция! – восхитилась я, невольно любуясь медленной походкой Королева. Редкий мужчина может выдержать такой шаг. Ждет моей реакции... Настоящий полковник!»

– Где она, Королев? – ему оставалось еще два шага, но я

не выдержала и первой задала вопрос.

– В спальне, – он замолчал, уставившись взглядом в мою переносицу.

– Пойдем, я взгляну на нее, – я схватила его за рукав. – По дороге расскажу детали нашего с Людмилой Борисовной знакомства.

– Что ты здесь делала? – Королев давно все понял.

– Преступление раскрывала, колола, в задушевные игры играла, – коротко бросила я, и меня передернуло, но я подавила приступ тошноты, прижав подбородок к груди, Коровкина лежала на кровати одетая, в той же одежде, в какой была предыдущим вечером. Только живот у нее распался на две части. Мне не хотелось рассматривать подробности чужой брюшины, и я отвернулась.

– Расколола? – в голосе Королева сквозило ехидство попеременно с иронией. И чего было больше, ехидства или иронии, я так и не поняла.

– Да. Но, – я запнулась, не зная, как объяснить свой отъезд.

– Вот и я говорю, что «но»! Говно! Зачем ты сюда приезжала? – грозно взревел Королев.

Все присутствующие в спальне специалисты на миг прекратили свои действия и замерли, но всего лишь на какой-то миг, и тут же, словно по команде, продолжили свое скорбное занятие. Мой тяжелый вздох прокатился по всему Юго-Западу и замер где-то на окраине Сосновой Поляны.

– Если ты приехала колоть, будь добра, доведи дело до конца! Ты хоть понимаешь, что ты наделала?

– Да понимаю я! – Еще в дежурной машине все стало понятно, когда я раскачивалась в такт завыванию милицейской сирены. Убивали всех, кто имел отношение к банде. Все потерпевшие – одинокие люди, не имевшие родных и близких, и все вели замкнутый образ жизни, мало с кем встречались, и никому и ничего не рассказывали о своей жизни. Только у Сухинина оказался родственник, да и тот несколько староват. Пойдем далее. Убивали вслед за моими визитами к потерпевшим, словно преступник дышал мне в затылок или сидел со мной в одном кабинете. Прослушивание телефона не в счет: из моих разговоров ничего понять невозможно. И самое страшное, что могло случиться, это то, что потерпевшие не успели ничего рассказать. Все свои тайны они унесли в иной мир, где им тоже тесно, как и живым. А преступник издевается надо мной, он методично убивает свидетелей, намекая на причастность к преступлению лишь одного человека. И этого человека я знала, видела, разговаривала. Преступление может остаться нераскрытым, если его совершил один человек! Может остаться нераскрытым! Может быть, может быть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.